

XX 101

Воскресный
СИБИРЯТКА
№ 101
В. А. Давыд

Смена

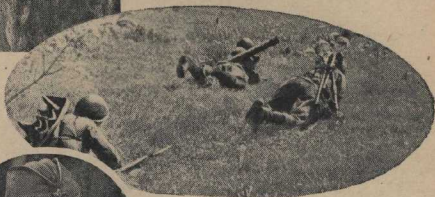
13-14

1. Раннее утро. Бойцы отправляются в лес, на учебу.

Расчет комсомольца Николая Тимонина

Фотохерк Георгия Липскерова

2. И минометчиком надо уметь переползати тихо и бесшумно открытые места!

Миномет— грозное оружие в руках умелых воинов. Чем больше у нас будет отапливать минометчиков, тем сильнее мы нанесем удар врагу, тем больше врагов падает себе между на наши земли.

На этой странице показан будничная жизнь минометного расчета комсомольца Николая Тимонина. Минометчики находятся сейчас в резервной части. Готовясь к боям впереди, они постоянно шлифуют свои знания, учатся метко, без проката бить врага.

3. Окоп вырыт, тщательно замаскирован. Бойцы готовятся к тренировочной стрельбе.

4. Быстро и точно наводчик комсомолец Константин Багов направляет миномет на цель. Начеку заряжающий Петр Васанов. Еще секунда— и мина, списав кругую траекторию, обрушится на заданную цель.

5. Отличные результаты учебки показали минометчики этого молодежного расчета. Это было отмечено приказом по части Командир роты лейтенант Ф. Нестеренко (см. выше его портрет в свале) вручает бойцам ценные подарки.

Смена

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 13-14 июль 1942 года

Год издания XIX, издательство «Правда»

В НОМЕРЕ: *Передовая — Уменье и отвага. П. ВАРНАВА — Сосуды рожает. Л. УСПЕНСКИЙ — Рассказы о невозможном. М. ТРОИНСКИЙ — Круши фашистские танки! Б. ЯГЛИНГ — Возвращение героя. Ник. ТИХОНОВ — Кутузов. И. ВОЕНКОВ — Учимся ратному делу. В. ЯКУБОВИЧ — Пала Срединного моря. А. АБРАМОВ, Ю. ДОЛГУШИН — Как летит пил. С. ВАЛЬДГАРД — Вы нашли стусиков кроюк. Р. ЛАРИНА — На фронт. А. ХАРИТОНОВ — Глади в оба! Суси. Б. ЛЕБЕДЕВА, Я. ХЕЛЕМСКОГО, А. ОЙСЛЕНДЕРА. Библиография: С. ФИН — «Библотека бйды Всеобуча». На обложке: «Смелый бой». С картины Г. Нисского.*

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 712. Телефон Д 3-34-24.

УМЬЕ И ОТВАГА

XLII-2071

В ночь на 24 июня 1812 года почти полузамогалою французская армия, форсировав Неман, вторглась в нашу страну. Великий полководец Наполеон, которого называли «господином всего света», говорил тогда:

«Теперь идите в Москву, а в Москву почему бы не вернуться на Иванов. Пусть не рассказывает Наполеону, что от Москвы до Ивана далеко, Александру Македонскому от Греции до Ивана тоже было не далеко, но ведь это же не островитяно...»

«Иду в Москву и в одно или два сражения все кончу... Я сожу Гулу и оборую Россию!».

«Моя армия», — говорил Наполеон, — останется так, что одно движение поддерживает ее. Во главо ее можно идти! аперо, но не оставившись и не отступит!».

Хорошо обученная и отлично вооруженная французская армия была остановлена, наголову разбита, а остатки ее, брося все на своем пути, поспешио бежали.

Аушлу в мире армия оставившая русские войска, предводителюемье генерал-фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем Кутузовым. Об этом сегодня в «Смене» рассказывает Ник. Тихонов. Непобедимую французскую армию остановили умнеее вошьте, храбрость и стойкость русских солдат, искусство славных русских полководцев.

Что умнеее решает исхоо отдельных сражений и даже целых войн? — это познаваем полководцы всех времен. Римский военачальник Тит Мавий, например, еще в IV веке до нашей эры специально обучал своих солдат, как нужно воевать с алпинцами.

Петр I обучению войск уделял особое внимание. Он говорил: «Правда, крепость делает неприязнел отпор, однако, победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Гуудь их — защита и крепость отчужду!».

Почему мы вспоминаю о всех этих примерах сейчас? На юге нашей страны, под Сталинградом и в прегорах Кавказа, разыгрались битвы, не имеющие себе равных в истории. Немцы, сокровиществу на этих участках фронта огромном количестве войск, бросая их против наших обороняющихся частей. Не только отвага и храбрость решают теперь исхоо развернувшихся сражений. Умнеее — вот что может сокрушить и сокрушило «непобедимую» немецкую армию. А что это действительно так, подтверждают следующие примеры.

Надвинуло наше гвардейское подразделение, которым командовал гвардии лейтенант Кошуров, вело бой за деревню. Окружил сошедший фланг немецких было поручило четаром автоматичком во главе с комсомольцем Петром Казнозовым.

Советские полководцы тосима врага и шаг за шагом успешно продвигались вперед.

И тут стало ясно, немцы решили начать новую силу ударить с фланга, где находилась четарая наших автоматичком.

Но Петр Казнозов, Иван Юзов, Василий Митин и Иван Иванов ве рассказали.

— Без комманды немцы не открывали, — прилеза Казнозов. — Подступим немцев поближе, тогда и выйдем им бой.

Как только фашисты приблизились на расстояние сорока — пятидесяти метров, четары автоматичком открыли ураганный огонь.

Немцы были настолько ошеломлены, что сразу бросились бежать. Но не многим удалось уйти. Почти весь их взвод, кетати состоявший исключительно из автоматичком, был уничтожен четарыми нашими стрелками.

Ранне мисловитый пережев сыграл решающее значение в исходе подвига между советскими и немецкими автоматичком? Нет, победила искусство наших бойцов, победило умнеее.

Половой комсомоц Р. Варина в статье «Сосуды рожает» рассказывает в этом номере нашего журнала, как много значит, сема каждый боец и командир быть обладателем мужества и отваги. Но чувство времени — это только одна из разновидностей воинского искусства, умнеее.

А вот другой пример.

Во время одного из сражений возле населенного пункта путь нашей пехоте преградила пулеметный расчет немцев, тщательно скрытый в густом кустарнике. Что делать? Ни легкой артиллерии, ни пулеметов у наших пехотинцев не было.

Выход из сложившихся положений нашел молодой автоматичком Алексей Ярен. Он скрытно, по-пластунски подполз к вражескому пулеметному расчету и внезапно открыл по немцам жестокий огонь. Расстреляв гитлеровцев, он захватил с собой их оружие и совершенно невозможным образом выскочил. Тот час же наши бойцы пошли в наступление и заняли важный стратегический рубеж.

Так отвага, смелость и умнеее решили исхоо сражения.

Некоторые говорят, что на войне все — случайность. Правы ли те, кто так думает?

Нет, неправы! Конечно, случаются и на войне неизбежы. Знакомое с историей войн, можно найти немало примеров, которые подтверждают эту мысль. Однако, сколько бы ни происходило случайностей, не ими объясняется исхоо того или иного сражения или битвы.

Война — это расчет! На войне все надо предвидеть, все предусмотреть. На войне нельзя ни теряться, ни повелевать беспечно. Умнеее на войне важнее, чем где-либо! Хотите победить врага — умей!

Из умнеее учитывал все, с чем на войне придется встретиться, из умнеее использовать во врея врагу каждый случай, не терпя ни амой нежелательности и складывающейся невыгоды и трупное искусство войны. На войне мудрая голова нужна в такой же степени, как и отважное сердце. А умнеее, расчет, хитрость и хладнокровие, соперничая друг с другом, даруют победу тому, кому эти качества свойственны больше.

Умнеее воевать — это труднее и сложнее искусство — оно благоприятруется сразу, как только человек попадает в горячую войну. Война, конечно, учит. Недаром про человека, побывавшего на войне, говорят, что он теперь умудрен опытом. Это все верно. Однако непростительно ошибаться, тот, кто из этого делает такой вывод: «Пока я не на фронте, мне незачем заниматься военным делом. Вот попаду на передовые позиции, и там все дастся само собой».

Нет, воинское искусство должен постигнуть каждый, и, конечно, задолго до того, как он попадет на бой. Тогда, оказавшись на фронте, такой человек скажет: «И не враг потерял время, а научился ратному делу, я умеее защитить себя и место со своими товарищами мою родную землю».

Пусть это хорошо запомнит сегодняшние бойцы Всеобуча, которые завтра страна позовет на фронт.

Русские солдаты всегда славялись своей смелостью и умнеее, хитростью и бесстрашием, и потому, как бы ни была трудна их ратный путь, они всегда и везде омаио сопротивлялись врагу и одерживали победы.

Благодаря Кутузову, бесстрашному герою и гениальнейшему и полководцу Отечественной войны 1812 года, был выигран великий мудар, и потому он развенчан громкою славою господина всего света — Наполеона Бонапарта.

Война советского народа против немецких захватчиков идет уже шестидесять месяцев. Бравы заняла большую территорию нашей страны. С каждым днем все ожесточеннее и кровопролитнее становится бой. Каждый новый день приносит свои плоды: война выявляет нас, война приносит нам опыт, обогащает нас мужеством. Что бы нам ни пришлось испытать вперед, мы будем совершенствоваться своим умнеее. Это святыя наша обязанность, в нем залог нашей грядущей победы. И мы не выпустим оружия из своих рук до тех пор, пока не уничтожим всех наповедного немцев, приниоших с местом на нашу землю.

Секунда решает

Полковой комиссар П. ВАРНАВА

На столе лежат журналы нашего полка. Медленно листаю страничку за страничкой и с восторгом перечитываю короткие записи. Перед глазами встают напряженные боевые линии и точки, горячие схватки с врагом. В локонных строчках, записанных торжествующей рукой, оживают этапы боевых походов и мысленно воскрешаются знакомые фигуры бойцов, командиров, их подвиги, их славные дела.

Январь журнала закончен, скуч. Но и он дает почувствовать напряжение, испытанное нами много раз, ощутить трюмное дыхание боя.

На нашу часть наступил численно превосходящий противник. Шла упорная борьба за выходной рубеж. Особенно востро направился немцы на небольшой курган, который выдвинулся на нашем правом фланге. Они сумели окружить курган. Смертью храбрых на весь состав подразделения, отчаянно защищаясь, этот рубеж. Но взять его немцы все же не сумели. Им помешал единственный уцелевший боец — комсомолец Геннадий Сысоев. Как мы ни были заняты боем, мы с восхищением следили за смелыми действиями этого юноши. Один он сражался против многочисленных врагов. В результате этого неравного поединка появилась запись в полковом журнале: «Боец Сысоев проявил в этот памятный день большое хладнокровие, способность не теряться при неожиданном появлении врага, показал выдержку и стойкость в трудной обстановке неравного боя». И все.

Что же в действительности произошло на поле сражения?

У Геннадия Сысоева давно уже были израсходованы все патроны для автомата. Осталась только граната. И он встал действенно. Но как! Немцы уже подошли к самому кургану. Вот-вот они сломают его! И вдруг... одна, два, пять разрывов. Точно волны, ударились со скалу, обесчленив, откатывались обратно, брызгали уцелевшие немецкие автоматчики.

Я не помню, сколько раз повторился этот впаки. Не в этом суть. Но еще тогда, на поле боя, меня поразило другое — выдержка бойца.

Геннадий подпускал врагов так близко, что нам казалось, уже не поспеем. Мы нетерпеливо ожидали огня, разрывов. Но все было тихо. И вдруг в одно мгновение в немцах летели гранаты, заставляя их отойти.

Я спросил у комиссара части, в которой служил Сысоев.

— Откуда же у молодого бойца оказалось такое самообладание, присутствие духа, такая выдержка?

— Он смелый, мужественный боец, — ответил мне комиссар.

Но только ли смелость и мужество дали возможность Сысоеву выстоять против численно превосходящего противника?

Конечно, нет. У Сысоева оказалось еще одно качество, на первый взгляд неумолимое, но именно оно в сочетании со смелостью и мужеством и помогло ему добиться победы.

Что это за качество?

Чувство времени. Он умел бороться с самим собой, с естественным желанием поскорее метнуть гранату, чтобы тем самым избавиться себя. Он умел ждать. Он знал: нужно дождаться того единственного мгновения, когда брошенная граната лучше всего поразит врага. Я назвал бы этот момент «мгновением мастерства».

Этот момент хорошо известен не только мастерам военного искусства, но и лучшим рабочим звеном, художникам, музыкантам. Точнее для фрезеровщика, например, наступают минуты, когда обработка детали закончена и станок нужно выключать.

— Что ж, — скажут некоторые, — если ощущение времени — личное чувство человека, то им могут обладать не все, а только те, кто имеет эту врожденную способность, призвание?

Нет! Чувство это вырабатывается в каждом человеке, тем более в каждом бойце, по мере освоения оружия.

Сысоев превосходно знал гранату, отлично владел искусством ее метания, и он хорошо «поджаривался», точно рассчитывая момент, когда выдвинуть всего лишь его по немцам.

Так знание своего оружия в сочетании с личной смелостью и чувством времени явились источником стойкости, выдержки и самообладания бойца.

* * *

В фильме «Папаев» есть выразительный кадр: кинематограф идет в атаку. Идут, как из парада, — церемониальным маршем, во весь рост.

Такая атака — испытание для обороняющихся. Недаром она названа «спсихической».

Командир отделения станковых пулеметчиков младший сержант Шацкий не видел фильма «Папаев». Но он знал, что немцы нередко любят пользоваться этим приемом.

Бойцы ждали врага. А он все не шел и не шел. Минуты ожидания казались часами.

Прялишь к зонтичному пулемету, бойцы выжидают. Они стерегут мгновение, когда точнее всего можно поразить вражеский самолет, выходящий из пики...

И вдруг заговорили вражеская артиллерия, затем минометы и пулеметы. Они обрушились на наши позиции. Они били долго и упорно. Они требовали отсечного боя. Но он не последовал. Наши бойцы держали тихо и неподвижно: Шацкий категорически запретил стрелять.

Потом через некоторое время появились вражеские истребители. Они подлетали к нашим окопам. Красноармейцы лежали неподвижно... Тогда немцы стали выдвигать медвежьи, осторженно. Они ждали выстрелов. Они хотели твердо быть уверенными: противник здесь, на такой-то дистанции. Красноармейцы молчали...

Засоборили немецкие автоматы. Огонь был яростный. А наши бойцы попрежнему были неподвижны.

Немцев уже можно было отчетливо рассмотреть. Вот пожелтый, заросший густой рыжей щетиной фронт, ползет вперед друг за другом. Вот другой, бесечно расхлывав упер кулечи, ве прощурив, строчит из автомата. Уже можно различить пуговицы. Но в окопах, где засели советские бойцы, тихо, спокойно.

Казалось, что вот-вот немцы хлынут волной, залепят окопы, и тогда беснулая будет пуля, да и сильный русский штык вряд ли сослужит свою службу...

— Стрелять, стрелять пора! — бормотал кто-то справа.

— Давать давай! — шептал кто-то рядом настоятельно и упорно.

Шацкий еще сильнее стиснул зубы. Было видно, как под тонкой кожей щек ходили желваки.

Отгнанный январь на мгновение прекратился. Всплыла мертвая тишина. Что же будет дальше?

Потом огненный вал пронесся через окопы — и стобы земли залетели за нашими спинами... Немцы открыли атаку... Они заревели и быстро бросились вперед...

Вот уже осталось до нас 100 метров! 90! 75!

И тут раздалась команда Шацкого: — За Родину! Огонь!

Сенячонку январь разразился в самой гуще немцев. Это зарычал младший сержант Абрамова. Вторя ему, торопясь и забегая вперед, залепили винтовочные выстрелы.

Бойцы били безостановочно, словно они поздравляли себя за долгое молчанье... Немцы бежали, падали, поднимались и снова падали.

— Враг был разбит. Заговор молчания одержал победу.

В этом сражении наши бойцы выдержали испытание нервов. Выдержали потому, что младший сержант Шацкий точно знал, когда выдвинуть всего открыты огонь. Минуту раньше этот же огонь не возымел бы такой силы, как сейчас. Минуту позже этот же огонь оказался бы почти бесполезным. Он был открыт в ту самую нужную секунду, и он оказался решающим.

— Почему вы так долго молчали? — спросил я потом Шацкого.

— Выжидали, пока немец на рубеж выйдет! — ответил младший сержант.

— На какой рубеж? — удивился я.

Шацкий вынул из бокового кармана записную книжку и на чистом листке стал рисовать поле боя. Я был изумлен. На бумаге были воспроизведены каждый кустик, каж-

Разведчик-автоматчик сержант Д. Бестаев не стреляет по воздуху. Он подкарауливает противника на самом близком расстоянии и лишь тогда открывает огонь. В последних боях он уничтожил несколько десятков фашистских солдат и офицеров. Сержант Д. Бестаев награжден медалью «За отвагу».

дый выступ, каждая складка. Глазла на чертеш. Шабло, было ясно, только приближаться на расстояние пятидесяти метров к нашим окопам, немцы не смогут найти защиту.

— У нас было только один станковый пулемет, — добавил младший сержант. — Кроме того немцев куда больше, чем нас. Значит, надо было все точно рассчитать.

Расчеты младшего сержанта оказались абсолютными. И они обеспечили победу.

Время на войне надо ценить. Суворов всегда учил своих командиров и солдат умению рассчитывать время в бою. «На войне, — говорил Суворов, — девять дорог. Жизнь человеческая есть дорожка, а время — дорожка вестов».

На нашем участке фронта славится лейтенант зенитной батареи Андрей Владимирович Хованский. Его батарея была одна из самых мощных пилотируемых бомбардировщиков.

Однажды, сидя в блиндаже, мы беседовали о том, как далеко шагнула военная техника. Вспомнили о пилотирующем бомбардировщике, о зенитных пулеметах, кто-то сказал о слуху, что Хованский вчера снова сбил немца. Вот тогда дяденька нашего генерала и обринул фразу о военном счастье.

Полковник Воротисский, сплотивший на одноконтном зарядном ящике, со всей ответственностью ему горничностью тотчас же откликнулся:

— Старая песня! Пряч там тут счастье? Эти разговоры еще при Суворове были, а старик на них обжаловал: сегодня счастье, завтра счастье, надобно же когда-нибудь и умирать. Если техника шагнула вперед, то теперь и людям нужно умирать. А счастье что? К Умиению и счастью придет!

И, смекая немного, полковник добавил:

— Вы посмотрите, как чисто работает Хованский...

Не прошло и недели, как я имел возможность убедиться в правильности слов полковника. Я находился на зенитной батарее, когда на наши боевые порядки вылетели немцы. У зенитной пушки стал лейтенант Хованский. Должен сказать, что в обычное время лейтенант произвождал впечатление человека апатичного, крайне медлительного и, — бы сказал, даже неповоротливого. Тут он преобразился. Призыву к колошной стали оружия, Хованский напоминал пантеру, приоткрывающуюся к прыжку. Он выжидал.

Фашистский пилотирующий бомбардировщик, казалось, по отгеской линии падает на нас. Мгновенье — и все заклевит на воздух. Я не выдержал и невольно крикнул лейтенанту:

— Ну, пора!..

Хованский даже не повернул головы. Перед самым выходом из пике самолет бросил бомбы и уже стал вычерчивать кривую. В это мгновенье лейтенант скомандовал:

— Огонь!

Самолет, окутанный дымом, камнем упал в ближайший перелесок.

Лейтенант снова принялся ждать. Лейтенант караулил мгновенье, когда второй самолет начнет выходить из пике, чтобы снова открыт огонь...

Я получаю урок точного расчета. И тут же подумал: «Его же ли действительно верная дорога к военному счастью?»

А есть ли оно вообще?

Да, есть! Но это в то же время и умение, и закалка, и отвага, и настоящая стойкость в бою.

Улучшенное время — невозвратимая потеря. «Фортуна, — говорил Суворов, — имеет голый затылок, а на лбу длинные висюльки висят. Лет ее молний; не схватит ее за волосы — уже она не возвратится». Придерживаясь этой установки, Суворов часто принимал рискованные решения, лишь бы не упустить момента в решающей схватке. Достаточно вспомнить одно из замечательнейших сражений XVII века, разразившееся на реке Рымник в русско-турецкую войну 1789 года.

Изумленные долгими боями, русские и австрийские части не успевали за быстро отходившими турками. Это давало возможность туркам укрываться на полях позиций. Победа ускользала из рук Суворова. Исход борьбы дух армий решало время. Использовать момент, не дать войскам противника занять оборону, сулило победу. Но изумленные части немцы неспособны были выполнить этой задачи. Суворов идет на риск. Он приказывает своим конным полкам немедленно, с хода, атаковать турецкие окопы.

Конница врывается в тушу турецких войск. Смешались в кучу кони, люди. Трудно коннице атаковать окопы. Созмались узоры полных истребления русской кавалерии. Суворов это знал. Он шел на этот риск, лишь бы выиграть время, успеть подтянуть вехотные части. И они подошли вовремя, атаковали турок с флангов и нанесли сокрушающий удар.

Суворов успел схватить «фортуна» за волосы, не упустил времени — и двадцатипятисечный отряд русско-австрийских войск разбил стойкую армию турок.

Большая отечественная война, которую мы ведем против немцевых захватчиков, — старинная школа, обогащающая наших людей боевым опытом, воспитывающая у них волю, твердый характер, отвагу, стойкость, выдержку и чуждо времени.

Это должно помнить и командиры, готовящие наших будущих бойцов. Несмотря на ограниченное сроки обучения нужно еще и عدة раз тренировать в них выдержку и стойкость, которые были бы основаны на тонком расчете, на отлитом знании своего оружия. Тогда сегодняшние бойцы Всевожуа, полая на фронт, не пропустят того решающего мгновенья, которое обеспечивает победу.

Баллада

О неизвестном моряке

Борис ЛЕБЕДЕВ

Мать писала ему:

«Я прошу тебя, милый сынок, Если будешь ты видеть, Что смерный твой час настал, Сделай так, чтоб смогла я О том, как ты умер, узнать: Зная правду, мне будет не так тяжело Горевать...»

Он ответил ей: «Мама, Исполню я просьбу твою: Жди письма от друзей моих, Если побегу в твой час настал, Майским солнечным утром Друга ево все поведу, Защищая рубеж Севастопольской славной земли...»

Десять вояток так Отразил в это утро отряд... Он остался один Из десятка отважных ребят... Целый час ево ловко Вспрашивал он фашистком мотги... Танк пустили тогда

Против хабаровки палира враги... Танк поехал переправу, Свиновые струи меча, Камни в пыль разствар, Стальную утробой ура... Под огнем смертоносном Неждь головы приподнять... Не согласен так заросто Русский моряк умирать... Остается одно: Ускользнуть как-нибудь, Умылуть...

«Не знес он, чтоб полаты! «Прости меня, мама, прости! Вот пришел он и смотрит В глаза мне —»

Последний мой час, Только ты не узнаешь О том, как умру я сейчас... Из друзей моих каждый Тебе обещал навзаст, Не наймуть, не жале, Не учиная, они отступают...

Ты на них не сербись: И один пред тобой вивают... И, поправу у поса Связку последние гранат, Изловчас, пригтовився, Полюно турско-австроуми И под танк тупорылый, Как в детстве под алыну, Нишура...

«В алыну дыма олета, Спустилась на миг тиняна... А морская пехота Намырчучу шла, как волна... Спронуть был ево... И смит растерявшийся враг...»

Так, Под взорванным танком, Потоб неизвестный моряк... Я хотел бы, друзья, Отгисать ево старую мать, Чтоб о доблестном подвиге Сына ее рассказать...

Только как отмыскать, Если много в стране матерей Безмятенных герев — Орлов черноморских зыбей — И любая из них, С этой песней оставшись вдовом, Скажет с гордостью скорбной: — То песня о сине мюми!

Рассказы о невозможном

Л. УСПЕНСКИЙ

Рисунки В. Лебедева

1. Есть перейти!

Мне запомнился один осенний (дело было, кажется, в конце ноября) короткий фронтонный разговор. Если хотите, — сцена.

Я лежал ранним утром на вагах в землянке. В ней помещался командный пункт батальона одной из морских бригад.

Кругом полусумрак. Пришущий и еле горящий в каком-то ставячке кусок размятого воска (того самого, которым на флоте драют и лохат палубы).

У телефона связист. Прямистые столбы поддерживают основательный — в три или четыре ваката — потолок. Подложным анатомов на стойке; сумки с ручными гранатами и вдруг точно весть о другом мире — чужелю: голова лоси, обезьяна, изъеденная моллю, но шприковетистая! Это кто-то «дал красоты» правба! те на стенку, под черным потолком. Острые клынья зубчатых рогов торчат из тьмы, а на зубках небрежно болтаются оловяная сумка, бивояль, еще две гранаты.

За столом сидели командир батальона и командир взвода разведчиков — младший сержант.

Около получаса оба они, низко склонившись над картой, поминутно снимая вагар с фетала, в клубах копоти разбирали какой-то сложный военно-топографический вопрос.

Комбат был невысок ростом, чернявый, с монгольским маленьким личиком, с редкой, видимо недавно опущенной бородкой. Сержант еле умещался под низким потолком. При каждом, даже самом осторожном движении его восковой ночничок пугливо вздрагивал...

Я лежал, смотрел, слушал и наконец услышал такой вот разговор, точнее обрывок разговора.

— Ну вот! — сказал комбат, машивально отпихивая от себя «пайщик» и отправляя в рот кусочек хлеба. — Видишь? Ничего не остается, кроме как в этом месте ван переходить. Тут такой лог есть... Поминишь, где еще их ефрейтор в кусту поделки три лежал? Справа — горка. Слева — чаща. Вот тут... Ну, как скажешь? Можно там перейти?

Разведчик понял голову, сощурился, посмотрел во мрак, видимо что-то крепко соображал.

— Разрешите доложить, товарищ капитан! — проинес он мануту спустя. — В этом месте перейти никак невозможно.

Воздорвалось некоторое молчанье.

— Невозможно? — переспросил комбат. — Да это, брат, я и сам вижу, что невозможно. Тут у них один из предметов выгорелое... много-много и еще невозмож! На этих вот высотах три огневых гнезда... Вся долина

Низко склонившись над картой, они разбирали какой-то сложный военно-топографический вопрос.

простреляется... Знаю! Это верно, что невозможно! Но что ж ты, друг, подсказешь, если много-то ничего не выдумать?! Надо... надо именно здесь перейти...

Сержант продолжал все так же нестремно глядеть на командира, точно омыла добавляла. Но добавляла не последовало.

— Есть здесь перейти, товарищ капитан! — сказал тогда сержант.

Капитан снова замолчал. Несколько секунд он, поглядывая, не находил слов, потом перестал думать о выраженных, разговор совсем уж просто:

— Ну, коли так, так так... Вот. Когда дойдешь до седьмых сараяв, которые там, на дугу-то на морком, поминишь? Тогда...

И они снова наклонились к полукомандировке.

К вечеру следующего дня мне позволили с этого самого КП...

— Слушайте! — сказал веселый голос нач-

штаба. — Вот вы все воднопались вчера за Еремья. Ну, за разведчика нашего. Помните? Так вот, вернулся он: все хорошо... Один легко раненый у него. Задание — на все сто!

— Да что вы?! — обрадовался я. — А где же он сейчас? Что делает?

— Да вот против меня сидит... Шоколад немецкий ест. Не одобряет! — Послушайте, спросите же его: пройт-то, значит, оказалось возможно?

В трубе слегка запищало, замило, а затем наштаба сказал:

— Вы слушаете? Он говорит: «Никак там! Никакой возможности проходить там не имеется!»

Такой был этот запомнившийся мне надолго случай. С тех пор я и видел много таких же дел, где грани между возможным и невозможным исчезли, стерлись, перестали существовать. Кое о том в этом роде я и хотел рассказать сейчас.

2. Ветер, песок, геометрия

Начальник артиллерии приказал бронепоезду капитана С. выйти на позицию для выполнения очередного боевого задания.

Задание на первый взгляд показалось до сведения простым: предстояло по знакомой окрестности добраться до хорошо знакомого места, встать там, замаскировавшись, и подготовив путь для вышедшей пехоты, «обстрелять» скопление войск и огневые точки противника в районе пункта П1.

Были огляды все распоряжения. Темным осенним вечером старый паровоз (бойим давно уже прозвали его несколько неокончанным, но благозвучным именем: «Чиливта»), порывчатая и повязанная, подвез собрав к назначенному километру. Хотя огонь предполагалось открыть не раньше завтрашнего утра, командиры бронепоезда, комиссар и командиры тяжелых батарей тотчас же приступили к «подготовке» выходящих дашмек. И хорошо сделали.

При первом же просмотре карты обнаружили совершенно непредвиденное обстоятельство: самое короткое расстояние между деревней П. и железной дорогой на 500 с лишком метров превышало предельную дальность самой дальнобойной пушки бронепоезда. А ведь бронепоезд — не танк: он не может «сбегать» с полотна, подобравшись жемчужинкой проселком поближе к противнику и прыгнуть по нему оттуда...

Этого мало. Подсчитав «справку дня» (довольно сложная штука, в которую входят и давление воздуха, и его влажность, и температура) — словом, все, что так или иначе влияет на ход снаряда, командиры батарей окончательно اضطрились: «справка дня» отнимала у его пушки на ближайших сутгах еще метров 600 ее дальности. Разница между желаемым и возможным возростала, следовательно, до километра с лишком. Дело стало совсем безнадежным. Но приказ есть приказ, следовательно, выход надо найти. А как?

Теоретически ответить на это было очень просто. Надо было тем или другим способом увеличить дальность полета снаряда.

Когда бригадир Марфи и мажор Илфиз у Жюль Верна рывали вопрос, почему их ядро в условиях слабого притяжения улетело слишком далеко, они делали пустяковое дело. Командиру бронепоезда предстояло решить задачу не в пример более сложную: как можно добиться такого далекого полета в условиях нормального тяготения земли?

Всему было ясно, что задача невыполнима. Нельзя выстрелить из пушки дальше, чем она может стрелять.

Но капитан, старший лейтенант, воином были советскими артиллеристами! Но в деревне П. сидели немцы, а на нее готовилась атаку русская, советская морская пехота... И вот невозможное стало возможным!

Орудие стало бить на тысячу сто метров дальше того предельного расстояния, на какое оно бить способно.

Как это случилось?

Если человек очень захочет сделать что-нибудь, он это сделает. Если он всю душу вложит в то, чтобы придумать, изобрести... — он изобретет и измыслил. Если же на этой мысли объединятся двое или трое... — вот та-

ких препятствий, которых бы не преодолели они.

Неизвестно, в котором часу ночи командиры батареи подняли на капитана посланное, установленное глаза.

— А ветер? — не совсем уверенно попросил он.

— Что ветер? — удивился капитан. — Просишь, батенька!

— Ветер! — уже несравненно тверже выговорил командир. — Он сегодня восточный и приличный! Если бы нам стать так, чтобы эта деревня восточная была точно под ветром, а? Мы должны выиграть какое-то расстояние...

Капитан несколько мгновений смотрел на лейтенанта.

— Так считай же, маленький, ситый скорей! — сказал он в следующий миг.

Логарифмическая линейка, карандаш и бумага, к которым обратился за справкой старший лейтенант, бесстрастно ответили: «Да, выигран будет. По ветру данной силы снаряд полетит на триста метров дальше. Триста метров у вас, так сказать, а «карман»

Бросился к карте. Такое место, с которого ветер дул точно в направлении на деревню П. на железной дороге имелось, и счастливый лейтенант поставил около него аккуратный, чистенький крестик. Теперь предстояло чем-то погасить и оставшиеся 800 метров избытка...

Они сидели в вагонном купе все трое и думали. Это было почти же самое, что раз-

мышлять на тему, как лучше всего забраться на дугу при помощи небольшого молотка и веревочной лесенки. Но они не оставили безнадельного дела. Война Уром наша атакует!... Она думала.

Мысль капитана кружилась все время вокруг одной аксиомы: чтобы снаряд летел дальше, нужен больший угол возвышения. Препятствую углов положения конструкцией устройства. Конструкцию изменить нельзя. Но...

Капитан, как и все на бронепоезде, был моряком, балтийцем.

И вдруг он вспомнил... А «Слава»? В 1916 году в Рижском заливе старый бронепоезд «Слава» дел артиллерийскую дугу, а немцами заложено «Мольте» на расстоянии, на много кабельтовых превышавшей предельную дальность его двенадцатидюймовок. Чтобы это стало возможным, что сделал командир? Командир заложил орудие на добавочный угол вверх, рекома накрена линкор на противоложный борт! Он, как говорят моряки, «создал дифферент на этот борт». Разве нельзя создать дифферент и для поезда! А если подействует полотно? Если приподнять один рельс?

Снова пошла в ход логарифмическая линейка — это маленькое карманное чудо, этот волшебный железный кудесник XX века. Она дала ответ: «Отчего же? Показувайте! Нужно только поднять этот рельс на 20 сантиметров выше другого...»

На 20 сантиметров! Легко сказать! Ночью, в темноте, вершить полотно, переложить шпалы, переменить болты стыков и подсыпать

В ночной осенней темноте, спотыкаясь на шпалах, опрометью бегут по пустому железнодорожному полотну два человека.

твоему уайну поскел Нет, это могло окопательно обоснуваться кажндо.

Но тут уваруило то, что воимок не был, вообше гоном, присяжнм артиллеристом.

Воимок оченъ огорчился тем, что эта цифра показалась командирам слишком высокой. Ему оченъ захотелось разубедить своих товарищей в этом, поубить их преодолеть расстояние 20 сантиметров.

— Товарищи, товарищи! — заговорил он. — Ну разве это так уж много? Скажите, а на сколько же приподнимает внешний рельс на зарежуганных инженерях. Вот, знаете, когда доверят строить? Ведь, наверное же...

Он не дословно. Капитан чужд не аздушил его в объятиях.

— Воимок! — кричал он. — Ты генерал Нет, как я сам об этом не воимокни? Лейтенант! Или по карте, где ветер подолжидает, лет ли там кровной вышности к югу? Есть? Разуме больше? Одеваем! Идем к участковому мастеру: нужно узнать, какое там преимешение. Может быть, полдела уже за нас сделано. Скорее идем.

И вот в ночной осенней темноте, тжакмою квякая ругным форшанком-лагушкой, сполыкая на сплаллах, оворенно бегут по пустому железнодорожному полотну два человека. Редкие звезды мелькают в быстро летящих облаках. Пахнет грибами, дождем, мхом. Темно — хоть глаз выкопай. И где этого мастера найдешь? Спит, навесное, где-нибудь.

Случилось странное: та часть отряда капитан-лейтенанта Савича, которая перекочевала фронт явнее болота, вырвалась на минное поле. Оно было расположено между двумя полонцами старых березовых дров, на марной мшистой полянке, под небольшим пригорком. Полянка, в невеском кудрявых кустах, лежала как раз за тропой — этакая тихая, знакомая на вид, уютная лесная дугонья: рыжиками бы корнями насыта с тжаккой.

Куже всего было то, что первая мина взорвалась в тот момент, когда все люди были уже в пределах поля. Минь подулнлись странной, скорее полойной на разрыв ручной гранаты... Неверов упал. Капитан-лейтенант кинулся к нему. Указывая на Чюкова, на проводника, присланного из бригады, Неверов яростно прокричал: «Товарищ капитан-лейтенант... Это он, гад... Он в меня гранату бросил!»

Немцы были рядом. Человек чужой, незнакомый. Все можно подозревать в таких случаях. Капитан, развута козубу, подбежал к проводнику.

— Ты что же это, негодяй? — Тот отшатнулся в темя дерева: — Товарищ начальник! Да что вы! Опмнитесь! Да это же явил! На минку вы нарядились! Я ведь сам в руку нарядился!

И тонно в подтверждение его слов, впереди, потом справа ухулили еще два негрнжских вырыва. Довелся стон. — Шууга! Шууга! — прозвнтелось шодогом позвал капитан-лейтенант. — Шууга, где ты? Что с тобой?

Две или три секунды ничего не было слышно. Потом сержант едва слышно (голось его трудно было узнать) ответил.

— Разуме мои, товарищ командир. Ногу... Ногу мее... он не ковыль.

Капитан-лейтенант с отчаянием огляделся вокруг.

Высокая луна, скрываясь за радужными облачками, спокойно смотрела вниз. Убеленный чистейшим перлам сжеком лес молчал холодно и беззвучно. Луна, шестиде впереди, несомненно как до, производила сжасную затмуждене. Они исцалы шли в ельняке, вошли, по инструнции, к месту встречи. Их

И вот мастера нашам, разубадила. Да он и во сне сказал бы все, что нужно. На той криво, о которой шла речь, внешний рельс лежал выше внутреннего на 7,5 сантиметра. Значит, добавителъ остается только 12,5. Это уж совсем другой разговор.

Теперь в дело вступает новая всемогущая сила — краснофлотские умелые руки. Эти руки вворачивают грузные звенья якорных цепей на палубах. Эти руки перебирают тончайшие механизмы приборов Обри в торпедках. Они выдерживают на заданных глубинах воздушную толщу, когда она рвется вверх, подобно коно морского бога Нептуна. Они возводят трехгранные шпильки в украшенные «железными крестами» гряды фундаментов.

Все это они делают на «отляжках». Сегодня они на «отляжках» подготавливают железнодорожный путь, подготавливают в темноте, под дождем, чтобы невозможное стало возможным.

Ничего не помышляешь — война! Завтра наш атакует!

Старый бронированный бегемот «Чайтат» осторожно останавливает состав у вновь намеченного пункта. Черные фигуры мурманян обсыпают полотно. Летят мокрый, холодный песок, звонят рельсы, глухо падают на балласт шпалы. Скорее! Время не ждет! Утро приближается... Утром наши атакует!

И вот за полчаса или за час до зрешения, назначенного для стрельбы, дело сделано. «Чайтат», плясь, осаживает палубу на участках, переконструированных так, что у лю-

3. «Волчок»

теперь не вернешь. Что же делать? Трое раненых, он один... Как быть?

Перек, что он сделал, — осмотрел в наскоро перевязанные раненых. Рань не были особенно тяжелыми, но делая отряд неподвижным: ведь были поражены ноги! Как же выбраться отсюда теперь?

Савич сказал было шаг вправо, по его режу шпатулю; этого еще не хватало! Контужка, что ли? Острая боль свела спину... Это боль сразила капитана.

А между тем надо было тотчас же шаг за шагом, как можно скорее проинчуть обратную дорогу между минами. Надо было идти, останавливаясь, замирать на одной ноге, осторожно опускать вторую, нагибаться, садиться на корточки, оцупывать снег... А что из них четырех был способен на это? Раненые в ноги не могли идти; контуженный не был в состоянии сплнбаться; тот, кому повредили ногу, не годился для вынужденного мина. Но и оставшаяся здесь, под досом у нещия, было тоже совершенно невозможно.

Капитан-лейтенант, сжав зубы, осмотрелся еще раз. Он вздрогнул... Сады, на холмике, с которого они только что спустились, он увидел маленькое черное пятнышко. Оно ясно высилось на белых наветках снега у того места, где разветвлялся троп.

— Чорт возьми! Это «Волчок»! — ахнул он. — Борка!

Остановился кричать, капитан терпеливо амалхал рукой: «Сюда! Сюда!» В Борсе Волкове сосредоточился теперь вся его надежда.

За два месяца работы в разведывательном отряде Борсе Волков, подорбанный бойцнн в одной фланжке, разоренной немцами дерзунце, сумел совсем незаметно перейти с положения воспитанника на положение настоящего, рядового бойца. Капитан-лейтенант и другие командиры с большим интересом приглядывались к нему. Тихий, он был тверд в словах и в поступках, как бмает тверд не всякий сложившийся мужчина. Он был не только огажен в сплнбнво, расчеловечно смея в те же время он нардежало разумно и находило умел в случае надобности поль-

ного путейца волосом астаны бы дымом при виде такого полотно, Плондичи скономы на сторону. Орудия закидывают свои хобы в небо под несмысленным углом.

В это время начальник артиллерии генерал-майор Маховников звонит с командного пункта: «Как дела?»

Капитан почитательно рапортует: «Как точно... Огонь будет открыт... Так точно! Садане будет выполнено! Никак нет! По телефону вытрусидно изложить... И, лукаво улыбаясь, вешает трубку: «Пускай поймают голову старика».

7 часов 10 минут. Части Н-ской бригады моржков выявля اسکомые для атаки рубежи. Команда «К бою!» отпала двана. Орудия зарежаны. Немцы мирно спят в блиндажах у деревя П.

«Зам!» — командует старший лейтенант.

Стрельные удары слышатся в олин. Наряды с оном уносятся прочь. Справа на километр и сто метров вперед вырываются прожвляющие джентнано. Невозможное стало возможным — задание выполнено. Орудия бронелюбова стрелные дальше, чем они могут стрелять. Наша идет в атаку.

А днем генерал-майор, радостно хмурясь, встречает капитана:

— Да, замко, знаю все... Уже допоснее есть: три взвода пехоты, два взота, семь дном, миниметная батарея... Молодцы! Видите: вот, оказывается, и возможно! И даже очень возможно!

заволье своей легонжой фигуркой, зловоние, еще не окрепшим голосом.

Маленький, худощавый, с угрюмым взглядом, а потом уже и без всяких прощс, его стали брать с собой в операции, давать далеко не пустячные поручения. Борка стал незаменимым, Выискивал, что лучшего святого, способного пробраться отсюда, угодно и куда угодно, и искать нечего. Был случай, когда Борсе с допоснеем перешел фронт в очень сложной обстановке. Был случай, когда он первый заметил приближение вражеских автоматчиков — там, в глубочайшем тылу у врага. — И, вовремя известив командира, сплс отряд. — «Волчок»... ласково говорили про него бойцы. — «Волчок» у нас — веделюко... Он как под шапкой-невидимкой гуляет... Подоросток — подросток, а полны за двух стариков принесет!

Сегодня Борю взяли тоже беспроста: достигнув оборонного пункта и соединив с другим отрядом, он должен был привести допоснее. За несколько минут до несчастья Самня приказал ему чуть задержаться у развилки лесных троп, наблюдая за той из них, которая указывала вбок. Достигнув отряда, Борсе нужно было по аказу—после того, как все люди пересекли открытую поляну. Вот эту поляну. У саую!

Отделавшись отрядом, Борсе Волков выбрал укрытое место, в темя большой елочки, — так, чтобы ему были видны обе тропы. Одна уходила налево, по густому осиновому мелколесью. Она была пуста, скелка зарпноренна свежесжатым валежком. Отряд двинулся по второй тропе, которая шла под уклоном. Первая группа быстро пересекла джувяку и растворилась в густом ельнике напротив. Вторая группа двинулась и только дома до середины, когда группа впереди, погоня другой и третий. Сердце подростка упало. Он замер в ожидании чего-то страшного.

С трудом приглядываясь в тропу, Борсе старался угадать, что там произошло. Некоторое время он никак не мог разобрать, в чем дело: выстрелы это были или взрывы; попал кто-нибудь на шнх или наверх, это они сами или немцы. Но он никак не мог угадать, правда? Конечно, командир и двое или трое бойцов задержались на дужке. Заметно было,

что они как-то странно движутся по нему. Но маскироные халаты мешали увидеть больше, а сойти с места мальчик не считал себя вправе: он хорошо знал, что делал налиц с немцами, когда замечали, что их дозорный 해변ге, отлучаясь или спит...

Отчаянно выгнув тонкую шею, то шуря, то широко открывая глаза, он смотрел, смотрел на звук и наконец почти точно сообразил, что случилось. «Мины!» — подумал он. — «Ой, плохо дело! Только бы Ивана Михайловича не тронуло... капитан-лейтенант... Как нас теперь-то?»

Почти в этот миг он заметал на полные другое, особенное движение: как было уселось, ему махали тенями, видно ушагой. Он ринулся вниз.

Поча он бежал, тыча головой окопата Савича. Единственный вопрос? Да! Но это невозможно! Даже взрослый не мог бы сделать это: пройти, пролезти через минное поле в темноте, нащупывая дорогу шаг за шагом, обходя опасные места, ежесекундно рискуя жизнью, проложить единственную живую тропку по полю смерти! А мальчуган?

Он заранее предвидя, как может кончиться эта затея — негромкий удар, лужой дама — в Боря Волков в кром, с оторванными ступнями ног, с раздробленными кистями рук. Нет, этого нельзя допустить!

Командир сделал усилие. Он попытался еще раз шагнуть к земле, но в глазах у него помутилось. С трудом, еле переводя дух от боли, он вырвался... Нет. Ноль! Не хватало еще обморочить Эх, был бы сплошной снег, была бы сплошная вьюга — поделка было бы... а тут, на этой мерзлой земле, кое-где припорошенной снегом, не видно ничего. Ничего!

Мальчик пробормотал: — Стой! Стой на месте! Дальше нельзя! Да сто, тебе говорят!

Боря Волков замер у самой опушки, там, где тропка выходила из этой ташьюа в себе смертельную опасность полнику.

«Волчок!» — окликнул его еще раз громким, свистящим шепотом командир.

Боря Волков на этот раз не ответил, как всегда: «Здесь», товарищ капитан-лейтенант! Он теперь видел уже многое: Неворова, распростертого на земле, темное пятно на снегу около него, проводника Чикова, бинтующего себе руку... Ни этот раз Волков ответил тонким, далеким голосом: «А?»

И капитан-лейтенант поподыма еще более острая жалость. Он закурил губу и несколько секунд молчал.

— Слушай! — сказал он затем. — Слушай хорошенько, Борис! Мы помани, брат, на мина, Ефремов и его люди как-то прошли, а мы вот... вальдем... Шугу равно. Неворова, проводника... Меня, прокладывая, конту-

зия, должно быть. Контузала, брат... вот что хуже всего... Надо выходить отсюда, «Волчок»... А?

— И слушай, товарищ командир! — донеслось издали.

— Ну вот, понимаешь ты, что теперь надо сделать? Надо, чтобы кто-нибудь стал на четвереньках... Так? Проложа бы от тебя к нам, понимаешь? Ты эти мины видел когда-нибудь? Они такие, как гробики, маленюк...

Вот... Надо полить, а вперед себя такуюже лужуки шпатель... Только еле-еле, чуть-чуть... Ну, давай, заметай, где она, куда от нее проводка протянута, и кругом от нее ползи... чтоб не зацепить, смори... Вот. Как бы это сделать, Волков, А?

Борис отогласил почти сразу. И голос его звучал совершенно твердо, когда он сказал:

— Я сейчас сделаю, товарищ капитан-лейтенант!

Капитан закричался.

— Илан! — с усилием выговорил он. — Больше, брат, некому... А иначе мы все пропадем. Но осторожно, смори! Имей в виду, это не шутки! Очень осторожно надо. Тут стыдятся нечего, если и побойшься... А?

Боря Волков, шхята, растегивая в это время тую затянуги краснопольский рюк. — Да, в боюсе, товарищ капитан-лейтенант! — успокоительно ответил он, — я не стыжусь боюсе!

И вот началось самое страшное. Когда-то Савич видел такую картину: в ярко освещенном зале, на столе, среди кинжалов, смуглая черноволосая женщина с завязанными глазами, шпатель или пиланка, пляшет неустойчив таян... У людей, тесно собравшихся вокруг, в глазах зашевелилось ужас, смешанный с пощением... Яркий свет, цветы, хрусталь... Какая чушь, какие пустки все это!

Тут не было яркого света, не было канделера в шпандрах и в белых пластронах, не было тут ни ваз с анелинами, ни блестящих кинжалов, ни бутылок вина. Темной ночью, по мерзлой земле, осмысленной первой порошкой, полз в подлые смельчак, не думая о том, что грозит ему, если он сделает одно неосторожное движение. А вокруг него, под сухой, реленкой травкой, слева и справа лежали незримые скрученные гробики с добротной хвраткой треста «Фабриендустри», Германия, Баден. Каждого из них было достаточно для того, чтобы превратить Боря Волкова в ничто. А их было десетки...

Сигнала он провозил шага два или три прямо. Потом замер: одна есть! Вот она, в лодыжной искомпи, на тонком пупозитном лезде.

— Иван Михайлович, — позвал вдруг Боря, — бумаж? Бумажки у вас нет? Кипяте мне... я врать буду, создаи себе кипят... А то ведь опять забудем, где я полз-то.

Савич хотел было крикнуть: «Молодец! Молодцата, Борка, «Волчок», смач!» — во ничего этого он не сказал. Он только просто соврал с газет, лежащих в кармане, лист газет «Коммунистическая правда», а который они были заперты, скопика и кипирнул вредло.

— А ты, братан мои! — свалаз вдруг поподыма проводника... Ну и перечь у вас, товарищ начальник!... Ок!

Неверов, приподнявшись на локте, неограни, молча сделал за каждым движением «Волчка».

Оставшая за собой легкий бумажный следок, Боря полз тизагами, выплывшая на полные спонный «ход копия». Вперед Останова, Чуть-чуть влево... Делать покая ружья в снег... Вот они! Теперь метра два вперед... У кого следующий! Так долоз он до капитана, так провозил много, так добрался до того куста, за которым лежала Шугля... Был один такой момент, когда у всех замерло сердце. Молчующим вдруг оставались и застыли на месте. Останова он стал захватывать руку назад, за плечо.

— Что случилось, Борис? А? — испуганно спрашивал командир.

Волков ответил не сразу, ответил, когда уже и Савич сам почти все понял:

— Крючком рыбным подсекая... За бушшлат... Вот... Сейчас слышу... ответил он, испелену выгнув из сунка этот страшный гробовый крючок, в тоненькая веточка можжевельника предательски и намеренно колдылась в такт его движениям. «А нука, братец! Ну еще... точно говорила она... а ну, чуть посылать дернись».

Все расстояние, по которому пролегал этот удивительный путь, составляло какие-нибудь три-четыре десятка метров. Все время, которое затратил он на это дело, не превышало 30 или 40 минут. Но когда он вернулся от Шугля, когда он прошел последние два или три поворота и молча стал рядом с командиром, Савичу, и Неворову, и всем показало, что минули долгие страшные недели.

Капитан не мог говорить. Он крепко схватил Боря и прижал его к себе. Он без слов ощущал его, жал своими руками его заморозив, обмороженную холодную грязью руку.

— Ну, брат, — наконец насильно вывалил он первое, что ему пришло в голову, — «Волчок»! Спасибо тебе... Орден тебе за это!

Боря Волков молчал, потупил. Потом он поднял руку ко рту и стал дуть на них, так, точно перед этим лепил снегурку: руки лопило от холода.

— Не надо мне орден, — тихо, но твердо возразил он, — только вы, товарищ командир... вы сморите, не повярите от конуши...

Дорога через зву смерти, обозначенная белыми клочками газет, была проложена перед ними

Оставшая за собой легкий бумажный следок, Боря полз тизагами...

Круши фашистские танки!

Военный инженер 2-го ранга М. ТРОЯШОВСКИЙ

Для борьбы с танками боец-грозотец имеет много вполне надежных средств. Они проверены опытом войны.

Какие же это средства?

Связки гранат

Как действовать ими?

Заметив приближение вражеских танков, бойцы скрываются за естественными укрытиями (орудия, воронка, яма, дерево, куст) и там ожидают, пока танк приблизится к ним на такое расстояние, чтобы можно было бросить в него связку ручных гранат.

Связка состоит из пяти зарыженных и поставленных на предохранительный взвод гранат. Их надо крепко связать бечевкой или проволокой.

Связку гранат бросит под дуло танка или под днище танка. Метнуть гранаты, слесей дрыгается в окопе.

кой. Причем четыре гранаты связываются в одну сторону, а пятая — в противоположную. Пятая граната должна быть на боевом взводе. Как только вражеский танк приблизится на расстояние 15–20 метров, боец бросит связку гранат под дуло танка.

Взрываясь, гранаты рвут гусеницу. Танк не может двигаться. Тогда следует команда:

Бутылки с горючим

В танк летят бутылки с зажигательной жидкостью. Бросают их главным образом в верхнюю часть задней половины танка, где расположена наиболее уязвимая часть: мотор, бак с горючим, прибор электробороздования. Ударившись о броне, бутылка разбивается, содержимое разливается, проникает внутрь машины и вызывает пожар. Загоревшийся танк выбывает из строя.

Зажигательные бутылки — самое простое и безотказное средство для уничтожения танков, броневых и транспортных машин неприятеля.

Инструкция по применению зажигательных бутылок, утвержденная народным комиссаром обороны товарищем Сталиным, гласит:

«В руках смелого бойца зажигательные бутылки являются грозным оружием. Они способны при внезапном и умелом применении не только нанести поражение, но и вызвать панику, внести расстройство в боевые порядки противника».

Можно сослаться на боевой опыт батальона, которым командует тов. Гвиди. За один месяц бойцы этого батальона уничтожили 104 фашистских танка. Чем они поразили танки? Гранатами и зажигательными бутыл-

ками. У бойцов была даже придумана специальная команда:

— Гранаты под «посы», бутылкой по «словам»! Образцы умелого потребления танков показали красноармейцы Рузыны и Кучеренко. Только за шестидневку они подожгли 8 танков. Вот какая разрушительная сила бурлит в безобидной бутылке, наполненной зажигательной смесью из керосина и бензина!

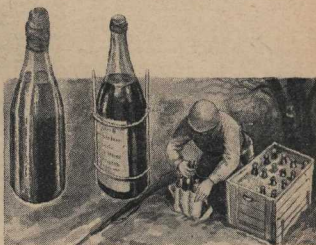
Успех борьбы с танками немалом зависит от храбрости, ловкости и выдержки бойца. Метнуть в двигающийся танк связку гранат, бросить бутылку с горючим не так трудно. Главное, что требуется от бойца, — хладнокровие, решимость, внутренняя со-

братность. Вульшь, чересчур горючиться, волноваться, делать лишние движения — пропустит удобный момент для броска или промахнешься, и вражеский танк уйдет невредимым.

Кроме связок гранат и бутылок с горючим в борьбе с танками еще применяются:

Противотанковые мины

15-а танковая дивизия пользовалась, у немцев славной мина победимой. Ее танки, не

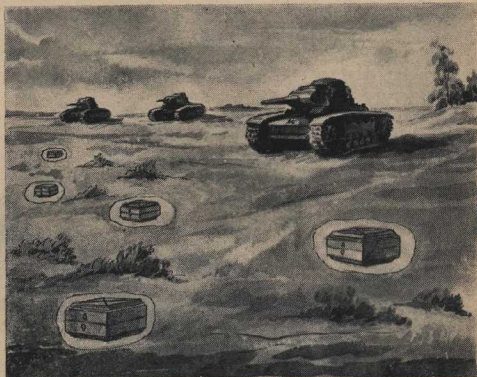

Получив бутылки с зажигательной жидкостью, установил их в специальную нишу, открытой в окопе. Как только гранаты останутся танк, бросит в него бутылку с жидкостью. Целься в верхнюю часть задней половины танка; там расположено наиболее уязвимое место.

встречая сопротивление, прошли почти всю Европу. Как бы совершил дальнюю прогулку, линия вступила и на советскую землю. Но здесь не заставил преград танки остановиться. Почему?

У полковника Александра Изюмова Угленко боевые средства и сил было меньше, чем у немцев. Однако он сумел отстоять натиск врага.

Разведка донесла, что вражеские танки готовятся к походу. — Взглянуть поле слева дороги! — приказал полковник.

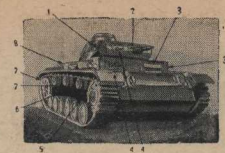

Противотанковые мины расставлял на дорогах, по которым скорее пройдут вражеские машины. Расставлять их надо в шахматном порядке, чтобы фашистский танк никак не сумел их избежать. Мины не засыпаны сверху. Верхняя крышка корпуса мины должна на 1–1,5 сантиметра возвышаться над уровнем земли.

Когда вражеские танки вышли на рубеж, перед ними лежала одна только дорога — полевая. Сарая — дес, слева — глубоко выкопанное поле. По два в ряд, цепью, пошли танки по главной дорожке. Внезапно зашумела земля. Раздался оглушительный взрыв. Передние танки наскочили на мины беззащитно. Задние танки поехали на передние. Бойцы ринулись в атаку. Стремительно броском они ворвались во вражеское расположение. Гранаты разрывали арсенал танковым гребецам; бутылки с бензином, тонкие факелы, подожгли неподвижные стальные чудовища...

— Ты гостя зустріли гладкою стежкою, гомоню высоким, синилом ажкраним! — улыбаясь, заключил полковник итог своей операции.

В этой украинской поговорке, по существу, изложена программа борьбы с танками. Вражеские танки надо заставить пойти по дороге, которую вы избрали для них и соответствующим образом минировали. Варьяны мины, которые поразили ходовые части танков, будут тем самым гомоню, который парализует маневр советских артиллерийских истребителей гостей. А бутылки с горючим окажутся «жарким светлом» — фейерверком, который вынудит фашистов из-за бронированных укрытий.

Целью точней!

1. Уничтожь командира башни.
2. Выведи из строя орудия.
3. Порази саботею.
4. Сними наводчика.
5. Бей по механикам переключенца.
6. Взорви оленепилоса.
7. Ударь в бак с горючим.
8. Стреляй в радисты, взрываюй оленепилоса.

Противотанковая мина несложна по своему устройству. Она состоит из деревянного корпуса с двумя крышками, шпика, зарядя, взрывного приспособления и двух взрывательных капсюлей.

Внимание: торпеда!

По зеркальной глади моря идет корабль. Ничто не предвещает опасности. И вдруг корабль взрывается. К небу взмывают высокие столбы воды и дыма. Корабль кренится и начинает погружаться. Через 15—20 минут что уже нет на поверхности воды.

Что случилось?

Торпеда поразила корабль!

До появления торпеды взорвать вражеский корабль было очень трудно. Для этого были нужны так называемые ударные мины, которые прикреплялись к фланцам шпика. Чтобы нанести удар по неприятельскому кораблю, надо было подвести мину почти вплотную к судну. Это и делали моряки-добровольцы. Герой-доброволец прилагался на катере к кораблю противника и наносил ему удар шестовой миной. Герой погибал вместе с подорванным им кораблем.

Несовершенную шестовую мину в отложившего моряка заменила торпеда, механизм которой состоит из 1325 частей, более сложных, чем детали часового механизма. Торпеда фактически является маленькой подводной лодкой, а высшей ступенью остроумно задуманной и почти, можно сказать, разумной. В самом деле, выброшенная из специального аппарата торпеда сама погружается и направляется прямо на неприятельский корабль. Минута она со скоростью 50—60 километров в час, не уклоняется в сторону, ни вниз, ни вверх. Торпеда сама держится на заданной глубине. Ударив в неприятельский корабль, торпеда взрывается и разрушает судно. Если торпеда промахнулась, она уходит на дно, чтобы случайно не прозвучить своей работой.

Внешний вид торпеды напоминает сигару. Ее диаметр—450 миллиметров, а длина—около 6 метров. Внутри она разделяется на четыре части: зарядное отделение, воздушный резервуар, кормовую часть В, плавную, хвостовую часть с рулями и гребными винтами.

Главные механизмы торпеды расположены в кормовом отделении. Здесь находится

камера, в которую поступает воздух из специального резервуара в корме. В торпеду дола скважины, когда корпус загорается от автоматически зажигающегося патрона, специальный сосуд начинает обильно плавить водой. Плавя и вода образует пар, и весь смесь из газа, сгоравшего горючего, водяных паров и воздуха поступает к главной машине и ударяет по ее механизмам с такой силой, что создает движущую энергию в 400 лошадиных сил.

Машина торпеды по своей конструкции напоминает обыкновенную машину парохода. И хотя веселки ее размер, но обладает она огромной силой. На коротких дистанциях машина торпеды может развивать до 200 лошадиных сил (столько же, сколько 7 автобусных двигателей).

Теперь представьте себе: торпеда выброшена в воду, она ринулась вперед; если никто не будет управлять движением торпеды, она либо выскочит на поверхность, либо нырнет в глубину, а то может вовсе-таки повернуть обратно и ударить в корабль, отсутствующий ее в воду.

Для того чтобы это не случилось, прилагает специальный аппарат, который управляет движением торпеды.

Как известно, давление воды резко меняется в зависимости от глубины погружения. На этом принципе и основано действие гидростатического аппарата. Как только торпеда слишком погружается, рулевая машина, испытывая слишком большое давление воды, перекачивает горизонтальные рули кверху. Как только торпеда слишком вынырнула, ружья перекачивает давление воды, и рулевая машина перекачивает горизонтальные рули на погружение.

Специальный жирокалосный прибор, названный по имени своего изобретателя прибором Обри, управляет направлением торпеды. Основан он на свойстве быстро-вращающегося волчка сохранять направление своей оси.

В момент выстрела у торпеды отключается курок, открывающийся машинный

Когда гусеница танка несется на мину, шпик корпуса вместе с болтом продолжает вращаться. Болт нажимает на одно плечо рычага взрывного приспособления, другой конец рычага в это время выдвигается чеку из зарядника. При этом освобождается ударник, который под действием сжатой пружины выбивает капсюль-воспламенитель. Огонь вызывает взрыв капсюля-детонатора. Происходит детонация всего заряда, мина взрывается.

Несколько слоз о том, как следует устанавливать противотанковую мину.

Гусеница танка имеет большую опорную площадь. Поэтому давление ее на поверхность земли невелико. Если глубоко закопать мину или положить ее немного ниже верхнего слоя грунта, она не «сработает». Верхняя грань капсюля должна лежать на болте, который сагитманно возвышается над уровнем земли. Чтобы неприятель не заметил лопушки, надо хорошо замаскировать мину — землей, дерном, соломой, — под тон окружающего леса и кустов.

Немцы создали легенду о непобедимости танка. Это ложь разоблачили наши летчики, истребители танков. Надо, чтобы каждая колонна, готовящаяся к сужаванию в ружье, зацеливать честь отныне, научился в совершенстве владеть противотанковыми средствами, чтобы он устал метко бить и уничтожать вражеские танки, а не они им лезть в нос, в зубы, или на уши на улицах города.

кран, через который воздух поступает в подогревательный аппарат, а взрывно и в маневровую турбину, запускающую жирокалос. В четверть секунды эта турбина сообщает жирокалосную скорость вращения в несколько тысяч оборотов в минуту и сразу же автоматически от него отключается.

Такая образ, когда торпеда покидает торпедный аппарат, жирокалос уже запущен. Дальше этот жирокалос при помощи рулевой машины будет вести торпеду по направлению, которое было заранее определено.

В 1860 году капитан 2-го ранга австрийского флота Луиус построил первую модель шпика-суда. Но этот шпикал был примитивен. Только через 6 лет инженер Р. Уайтхелл сконструировал и построил первый самостоятельный движущийся под водой «минный корабль» под названием «торпедо».

Первыми попытками применить торпеду в бою англичане. 10 июня 1877 года английский крейсер «Игла» выпустил торпеду по парусниковому монитору «Утаскар», по промахнулся.

Общее признание торпеды получила в 1891 году. Шла гражданская война в Чили. Перешедши на сторону повстанцев броненосец «Бьянка-Энрикетто» стоял на рейде, когда к нему подошли два правительственных миноносца и выпустили 6 торпед. Броненосец затонул.

В первую мировую войну 230 боевых кораблей и свыше 6 тысяч парусников стали жертвами торпеды—этого коварного орудия морского боя.

В нынешней войне торпеда применяется еще в больших размерах—на Тихом океане, и в Средиземном море, и в холодных водах Баренцева моря.

1 Торпедо — латинское название электрической скважины. Эти скважины работают по тому же принципу, что и электрические скважины, при помощи которых они освещают и греют. Уменьшают рыб и других полезных животных.

Возвращение героя

Борис ЯГЛНН

Рисунки Г. Насеко

*Они идут не славы ради,
Но славу героико творят,
И не мечтая о награде,
Приходят к вышей из наград.*
А. Твердовский

Команда подводной лодки готовилась к отплытию. Когда мимо краснотелых, работающих на верхней палубе, вестовой пронес хорошо знакомый голос старейшей команды. Все поняли, что с лодкой поедет Кошкин. И сразу все повеселело. Раз Кошкин идет с нами, — значит, без профес они не вернутся; у Кошкина рука умелая, снарядная. Только что он вернулся после победного похода на «Л-3».

Возвратился с моря без успеха всегда досадно, а на этот раз было бы и новое обидно. Соседи по базе — экипаж подводной лодки Лунина — потопили в походе три фашистских транспорта. Никто, правда, не объяснял о начавшемся соревновании, но оно началось само собой и выиграно уже существовало. И теперь, отправляясь в море, команда подводной лодки считала для себя обязательным пустить ко двору не меньше трех кораблей гитлеровцев.

Первым для похода назначили советские пистоны. Хотя бы один фашист попался! Искания у самых вражеских берегов — ничего! Он оставил один только жалкие богишки артиллерии — топить корабль Радио сообщало, что в шести портах Норвегии патрули изорвали германские корабли с пошками и боеприпасами. Может быть, в этом и причина?

Однажды — это было январским вечером — комиссар зашел в радиорубку послушать последние известия. Москва порывалась наступление советских войск продолжалась. Фашистов гонят по всему фронту. Освобождено много населенных пунктов. В конце января доктор проехал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза кому-то из подводников — кому именно из-за похода в воздухе разобьют не удалось.

А через несколько часов, уже ночью, в центральный пост привели радиogramму: Военный совет Северного флота и командование северных подводок сообщили об Указе правительства о награждении Героя Советского Союза капитана второго ранга Кошкина и желании его новых побед во славу родины.

Кошкин даже растерялся.

— Этого не может быть, — сказал он. — Тут какая-то ошибка. Проверьте радиogramму.

— Все правильно, товарищ капитан второго ранга. Все точно. Запрещите повздорить пошуму, по подводному.

Кок приватил в центральный пост поднос со стопками, и все дружно выпил за здоровье и за новые подвиги Кошкин. — Героя Советского Союза, первого героя-подводника отечественной войны и первого герою-подводника северной.

По переговорным трубам и по телефону поздравления шли из всех отсеков.

Сообщили о радостном известии и на мостик.

— Внизу! — прогудел в трубу вахтенный командир — Передайте Ивану Александровичу с мостика самые сердечные поздравления.

— Есть передать с мостика самые сердечные поздравления! — весело ответил шестидесятилетний старик.

— Спасибо, товарищ, — тихо сказал Кошкин, — вам и всем, с кем я плавал на Севере и плечом к плечу воевал на подводных транспортах. У нас, у подводников, нет героев-одиночек. Мы сплавались, сражались, мы воевали и побеждали вместе, вместе общих усилий. За великую награду постараюсь отблагодарить родину и партию боевыми делами.

В тот же день была объявлена первая за этот поход торжественная атака. Ее орестрала на лодке «Сиявильской», потому что фашистский транспорт довался в подводную, совсем близко и мог ускользнуть. В этих случаях нужно не тронуться — некогда точно рассчитать залп, больше позарезаться на глазок. Командир быстро повернул лодку, и торпеды падали в гитлеровский корабль. Он пробирався у самого берега, никак не охраняемый паролком. Едва он затонул, как из-за скал пошел курсор на поревок «охотника». И «охотником» он привалил, забрызгав лодку глубинными бомбами. Уйти от них удалось легко, но теперь фашисты знали, что в этих водах советская подводная лодка. Теперь надо было ждать всяких «сорриров». И «скрипящий» начался. Вахтенный командир доложил, что прямо по курсу видна рыбацкая лодка. Командир лодки и Кошкин внимательно осматривали ее в перископ.

— Подозрительно, — сказал Кошкин. — Очень подозрительно. Совсем другую рыбку ловят эти рыбаки. Всплывать и обнаруживать себя нельзя. Надо уйти.

На палубе старейший лодки, пол вздувшийся парусами, копилась рыба. Она была занята своими снастями и, казалось, ничем не могла угрожать подводной лодке. Но Кошкин оказался прав. Чуть только подлодка убрала перископ, как на нее снова посыпались глубинные бомбы. Потом на поверхности послышалась шум винтов: это замаскированный «охотник», выйдя, что добыча ускользает, преследовал подводника.

И вокруг бомбежка прекратилась — так же неожиданно, как и началась.

— Лодка отходит, — доложил акустик. И действительно было видно, как начался и берег «лаба-лоуника» — быстройходный, вооруженный противолодочный катер.

— Заманывает, подлая! — усмехнулся Кошкин. — Дурает, клоует и догоняет. Нет, этот номер не пройдет. Тому от этой лодки мало, если потопишь, а связаться с ней — так не обещается неприятностей. И без нее дела хвалят. Найдём время поучесть ее.

Кошкин же не смилостивился: он не оставил ее даже дождя. Это была большая фашистский транспорт. Его сопровождали миноносцы и сторожники. Своєю лодка пошла в атаку. Попали транспорт и сразу под ударом глубинных бомб, сбега со следов гитлеровские военные корабли.

Перевести бомбежку в подводной лодке тяжело. Но все позарез в сравнении. Самая тяжелая бомбежка была еще впереди, когда подводники потопили третий фашистский транспорт.

Этот транспорт тоже шел в сопровождении двух боевых кораблей. Копил пробрался у самого берега, черта замаскировал противолодочные эскадры. Атаковать неприятеля было очень трудно не только потому, что корабль часто менял курс, но и потому, что меняла волна, — на море размырлась непогода. Но все-таки и на этот раз врагу был нанесен удар — меткий и разный, настоящий североморской удар.

После третьего убитого фашиста стали усиленно искать по всему району дерзкую и неуловимую подлодку.

Темной ночью вахтенный командир Петерский заметил вражеский миноносец. Он шел на сближение с лодкой. Если бы советскому миноносцу попалась германская подводная лодка на таком близком расстоянии, он выдал бы ее на раз. Но для тарана нужно обладать отвагой советских моряков, фашист предпочел другое: он открыл артиллерийский и пушечный огонь.

Команда едва успела спрыгнуть в люк погружавшейся лодки, как над рубкой с воюм прокатился снаряд.

— Перевет! — перевет дух Петерский. — Теперь артиллерийский не возьмешь.

Лодка стремительно шла на глубины. А над ней разлеза одна за другой глубинные бомбы. Миноносцы видели «место» лодки, и ему легко было выдать.

Командир бросился в рубку акустика и привал к шумкам. В этой рубке весь большой мир, оставшийся на поверхности, познакомился одним лишь чувством — слухом. Но чувств это, многократно усиленное аппаратурой, необычайно остро. У шумов виднута на поверхности миноносца резкий и частый, захлебывающийся ритм, как у мчащегося поезда. Шум винтов транспорт — мелкая, захлебывающая. Шум волн, ударяющих о борт корабля, всегда отличны: они слышны, но бесспорными. Шум подводной лодки, идущей «верхку», ритмичный, многоголосный и непостоянный ход, стертый масок. Земле-черепка шумит почти, как миноносцы, только от нее больше грохота.

Но сейчас мезамбром шумков стучали ровным ритмом винтов миноносца и вздрогивали от взрыва бомб. Бомба в мембране — это шлепок об воду, недолгое бульканье и сотрясающий лодку взрыв. Миноносцы сбрасывали бомбы — серия за серией. Шлепок, бульканье, взрыв! Шлепок, бульканье, взрыв! Бомбы долбили гле-то совсем близости. Кто знает, где разорвется следующая? А взрыв крокофт.

Лодка в такте минуты совершенно беззащитна. От взрыва гаснет всплывающий отсекос вет — рубящими выключаются и выключаются сами собой, — выходит из строя самые чувствительные приборы, короче подводная лодка превращается в беспомощный вынужденно. Но самое большое напряжение напрягают во время бомбежки люди. Мила

в наземной войне, бомба, летящая с самолета на землю, несравнима с бомбами, разрушающими подальше стального корабля в пучинах океана.

— Выдержите ли? — спросил как-то командир соединения одного из подводников, отпавших в трудный поход.

— Мы-то выдержим, — ответил северо-морец, — лишь бы скелетом выдержало...

И они выдерживают. Выдерживают и послушные им скелеты.

Так было и теперь.

Бойди из рубки августа, Колмыкин пошел по отсекам — посмотреть, что делается. Он зорко присматривался к работе команды, проверял, приказывал, советовал, подбадривал.

А бомбы все время рвались вокруг лодки. Выход от механика, сурово и четко отлаженного расписания, Колмыкин задел влаголога:

«Инженер-лейтенант, улыбайтесь. Ведь улыбка — это флаг «БЧ-5».

Это была испытанная шутка Колмыкина, которой он всегда подбадривал механиков на всех северо-морских подводках. И хотя шутку эту Лямия не раз слышала, он все же не смог удержаться от улыбки.

Позже, на берегу, когда Колмыкина спросили, что чувствовал и пережил си в часы этой бомбежки, он ответил просто, без всякого лукавства:

— Конечно, очень трудно мне было. Как и всем. Только там ведь все очень буднично. Человека, может быть, просто машину смазывал или вырубившийся рубильник выключал, а все-таки — герой, потому что другой на его месте забил бы даже собственное имя. У всех одно дело, одна забота — как увести лодку в целость. О себе и думать некогда. Помню только, что почувствовал вдруг почему-то сильный голод и попросил кока при-

нести сухариков. Так и грыз потом сухарики, пока не оторвались от этого чортова минюшца. Одно слово — будни.

В тихий морозный день подлодка входила в базу. Над бухтой клубился туман. Розовые отсветы скрытого за скалами солнца ложились на снег. Ворт о борт с подлодкой шел катер. Это встретили Колмыкина командир и комиссар соединения северо-морских подводных лодок.

Люди, собравшиеся на пирсе, увидели, как сверкнуло над лодкой пламя оружейного выстрела. Салют в честь победы! По выстрелу за каждый потопленный корабль врага. Второй! Третий!

Высоко-высоко взметнулась в серое небо последняя горячая капля зеленовато-голубого цвета и ринулась вниз, пропав в тумане.

В это время на сигнальном посту замигал золотой глаз «кратера». С поста эпиграммистам от Военного совета: «Колмыкин. Подразделком с присвоением высокого звания Героя Советского Союза».

И сейчас же на наблюдательную площадку подводной лодки вскарабкался сигнальщик и горюшко замачка фляжками: «Благотворя Колмыкин».

Лодка медленно шла вдоль пирса, и Колмыкин, сдерживая волнение, смотрел на знакомые и родные лица, светившиеся искренней радостью.

Тут были его боевые друзья и ученики. Они все пришли сюда, чтобы встретить своего любимого товарища, командира и воспитателя, первого подводника отечественной войны — северо-морца — устоявшегося самой высокой в стране награды.

— Даже неудобно как-то! — сказал Колмыкин. — Все командиры, все орденоносцы-подводники на пирсе с тобой встречаю.

Он был расстроен и в то же время немного смущен таким вниманием.

— Поздравляем, Иван Александрович! —

выкрикнул чей-то звонкий тенорок. — Как плавало?

— Спасибо. Ничего плавало. Побойбила вот малость.

Колмыкин был свежо выбрит, в хорошо знакомой всем пилотке — несмотря на мороз он надел ее перед входом в базу.

С пирса сбросили трапик, Колмыкин вошел, и шеренга людей на берегу сразу расемалась — все кинулось поздравлять героя.

— Новых вам подигов, Иван Александрович!

— Новой славы!

— Спасибо, товарищи, — отвечал Колмыкин. — Спасибо...

На следующий день командир и комиссар подлодки должны были идти с Колмыкиным и командованием соединения на прием в Военный совет флота... Разговор на флагманском командном пункте был недолгим и деловым. После короткого сердечного поздравления с победой вице-адмирал и дивизионный комиссар внимательно выслушал доклад командира подводной лодки. Командир лодки и Колмыкин развернули карты и калькулы и рассказали о пути лодки, об обстановке и всех подробностях боевого похода.

— Так, так, — одобрительно кивал командующий.

— Ну, а как личный состав? — спросил дивизионный комиссар.

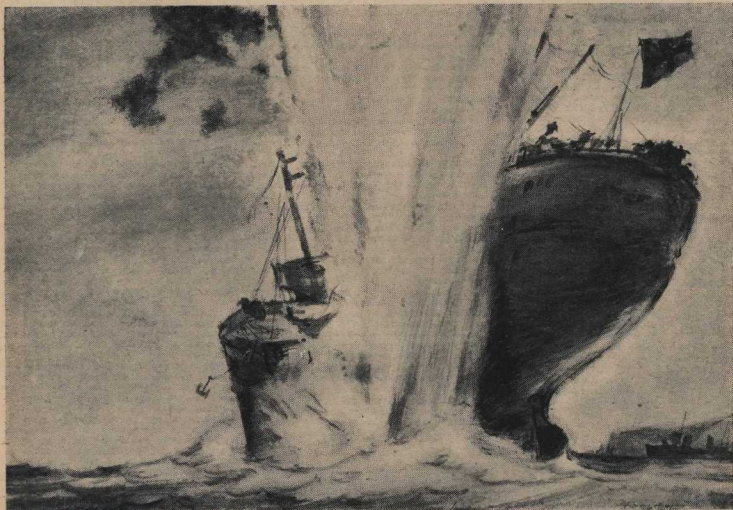
— Воодушевлян успехом и готов к новым боям, товарищ дивизионный комиссар...

Завонял телефон. Командующему докладывали: с моря возвращается подводная лодка.

Командир и комиссар соединения подлодок заторопились на пирс.

Раскат лучинного выстрела глухо донесся сквозь толстые стены командного пункта, Один... Второй... Третий...

Новая северо-морская подводная лодка победительно входила в базу.

Торпеда настигла вражеский корабль...

«Марат» ведет огонь

И. МИХАЙЛОВСКИЙ

Рисунки В. Иванова

Еще осенью прошлого года немцы хвастались, что Ленинграду не устоять под ударами гитлеровской армии. Много раз они начинали дуть и чье вступление в северную столицу и рассылали приглашения билеты на банкет в гостинице «Астория». Но билеты так и оставались беспользованными. Банкет пришлось откладывать, а вместо гостей вызывать к Ленинграду все новые и новые резервы.

Фронт подходил к городу вплотную. На фронт везали в трамвае Трамвай останавливался у Кировского завода, а трамвайная линия уходила далеко к немцам в тыл.

Немцы бомбардировали город, обстреливали из дальноточной артиллерии, пушались на «летящие атаки».

Ленинград защищала с воздуха, суши и моря.

В эти трудные сентябрьские дни, когда бои шли на подступах к Ленинграду, группа мотриков с линкора «Марат» вышла на передовые позиции. Маратом выбрали место, с которого удобно было следить за немцами, и устроили здесь корректировочный пост: вырыли лаубойный окоп для наблюдения и корректировки стрельбы, протянули телефонную линию, построили блиндаж. В окопе располагался с маленькой, портативной установкой радиет Ледов.

Немцы были на расстоянии нескольких сот метров. Невооруженным глазом можно было видеть ряды проволочных заграждений, око-

пы, постройки, превращенные немцами в дзоты, и шоссе, уходившее вдаль.

— Шоссе на этом участке — основная коммуникация у немцев. Не сводить с него глаз день и ночь! — приказал командир корректировочного поста старший лейтенант Стародубцев.

Немцы подготавливали новое наступление, и по ночам на шоссе двигались вереницы автомобилей с пехотой, танки, бронемашин. Наблюдатели маратовского корректировочного поста следили, в каком направлении идут и где скапливаются немецкие резервы, и передавали эти сведения на линкор.

9 сентября, в 13 часов 45 минут, с линкора «Марат» сообщают:

— Усилить наблюдение. Открываем огонь по скоплениям моторизованных колонн и пехоты немцев.

В боевой рубке линкора управляющий огнем главного калибра капитан 3-го ранга Лебедев. Перед ним карта, расчеты; красным карандашом на карте вычерчен квадрат, по которому сейчас ударит линкор.

— Из погребов подуют тяжелые снаряды.

— Ну, гад, достанется вам сегодня! — от всего сердца говорит старшина 2-й статьи Серов.

Его товарищи ваял жем в широчай, разноцветным буквами вывел на многолюдных снарядах: «За родину», «За Сталина!», «За жем и матерей!».

— Точка наводки — знак «Т». Орудия зарядили!

Планоно поднимаются хоботы пушек. Управляющий огнем смотрит на часы. Радист высылает:

- Корректировочный пост?
- Пост слушает.
- Внимание!

Залп. Сверкнуло пламя. Дорога борт линкора. Из пасты орудий пополз желтый дымок.

Радиет передает:

- Первый пошел...
- И сейчас же со свистом снаряды пронеслись над корректировочным пунктом. Они рванулись, подняли языки огня и столбы густого, густого дыма.
- Ага, засуетились! — сказал наблюдатель.

Ему было видно, как смешались в одну кучу машины и повозки с боеприпасами, как в пышке заметались люди.

Корректировщик передал на линкор отклонение.

Новый залп — и снаряды падают в самую гущу немецких войск.

— Это вам Ленинград покаял шлет! — горист наблюдатель и тут же добавляет: — Товарищ командир, они бегут влево, треба еще им дованить...

— Пять влево, Залп!.

Орудийный залп вновь проносится над го-

родом и залпом. «Марат» ведет огонь топно по цели.

Где-то вдаль, над расположением немецких частей, пополз в небо взростат немца-наблюдения.

— Товарищ командир, немцы взростат по цели, интересуются, кто стреляет.

И сейчас же в небо полетается наш истребитель. До корректировщика дозвесь треск пулеметных очередей — и вслед за тем взростат вспыхивать как факел. На парашюте долго еще болталась тель горящего немца-наблюдателя.

В тот день «Марат» развел сильную немецкую группировку. Вечером на линкоре получили шифровку, которая заканчивалась словами:

«...командование Армии объявляет личному составу корабля благодарность за отличную стрельбу».

Ночь, стоя на вахте, маратомцы видели зарево пожаров в наших родных пригородах. В злобе сжимались сердца, кипела ненависть. И командир у орудий главного калибра и земитчик на открытой мостике — каждый на своем посту быстрой и точной работой сводил счет с врагами, мстил им за любимый Ленинград.

Много раз немцы бросали в атаку танки, пытались клином врезаться в нашу оборону. Но, прежде чем они успевали осуществит свое черное дело, с корректировочного пункта подавались сигнал — и шкалы огня преграждали немцам путь.

Капитан 3-го ранга Константин Петрович Лебедев проверил график последних боевых стрельб. В это время прозвучал сигнал тревоги. Лебедев нахнул плащ и выскочил из каюты. Через минуту он уже был в боевой рубке.

Немцы переходили в новое наступление.

Громадные стальные чудовища ползли к нашим укреплениям. Командование армии приказало «Марату» поставить заградительный огонь.

Лебедев и его ближайший помощник — командир дивизиона Новацкий — навели на карту самые последние данные, быстро произвели расчет. Корабль дрогнул от сокрушительного залпа...

Трижды в этот день «Марат» открывал огонь, сколько завесу которого не могли продраться ни один немецкий танк, ни один гитлеровский автоматчик. Сокрушительный огонь линкора заставлял немцев прижаться в блиндажах и окопах, часами отсиживаться в земляных лощах.

Следующие дни выдвигались такие же боевые, напряженные, но люди не чувствовали усталости.

В ночь с 11 на 12 сентября разведка установила, что немцы готовят новое наступление,

Немецкий взростат вспыхнул как факел.

стаивают нехоту, танки, артиллерию, рас- считывая одним ударом прорвать нашу обо- рону и к утру отступить у городских застав. Флот получил приказ остановить врага.

Сигналы колоколов громкого боя вознажили мартовская среда ночи. На широкой палубе мелькала тени краснотелов, безмолвно разбегавшихся по башням, зенитам и наблюдательным постам.

— Корректировочный пост?

— Пост слушает.

— Стрельбу будем вести одновременно по пунктам «А» и «Е». Наблюдать за разрыва- ми.

И слова огневым валом «Марта» обрушился на немца.

Мартовский корректировочный пост рабо- тал по постоянным обстрелом. Вокруг разо- ллись нины, летели осколки снарядов, «мес- сажинки» строчили по ним из пушек и пулеметов. Но послания «Марта» твердо стояли на посту и эти смертельно опасные минуты и наблюдения за каждым разрывом шло- го снаряда. Так продолжалось всю ночь до рассвета.

13 сентября «Марта» снова бил по немец- ким позициям.

14 сентября сильный огневой шквал продол- жался.

15 сентября «Марта» на предельной дис- танции поразил глубину немецкой обороны. Тяжелый, непоправимый урон несли немцы в течение и вшей смен. Прорваться в северную сторону им не удалось.

Тогда немецкое командование пустилось на авиатору.

В разгар стрельбы мартовские радости услышали в эфире.

— На «Марта» Командующий флота прика- зал прекратить огонь.

— Товарищ командир, немцу, впадо, не по себе стало — просит парадно; — на самия ушников, сказал радист управлению огнем.

— Ага, в таком случае придется им пребы- вать.

И тут же последовала команда:

— Три залпа через десять секунд!

Сильный грохот прокатился над городом и широкой Невой.

— Хорошо! Хорошо! — сообщили с кор- ректировочного поста.

— На «Марте»! На «Мар...» — не унима- лась немецкая радиостанция, но на полуслове оборвала свою передачу.

Это была и последняя ее передача.

16 сентября выдалось ясное, безветренное утро.

Переулок,
Туманом утлый,
И на рейде
Большое судно,
А за ним —
Простор ледовитый,
Где волнуется глухо вода.
Я люблю
Этот город туманов,
Опущившихся к платной воде.
За его молодых капитанов,
Что не дрогнут, я знаю, где.
Я люблю
Этот город vysokий,
Где земли, как железо, тверда.
За отмену и ветер широкий
И волеи морского труда.
И еще,
Говорю по секрету,
Я люблю
Этот город простой
За одну дорожку примету —
За радистку с косой золотой
Мой товарищ,
Мой сверстник далекий,
Если ты
Прочтешь до конца
Этик записей
Быстрые строчки,

Тяжелая дальнбойная батарея немцев от- крыла богатым огнем по месту стоянки «Ма- рта».

На сигнальные посты перешли:

— Смотреть в оба! Засечь по аспинкам батарею.

Краснофлотец, находившийся высоко на формире, первым заметил аспинки батарей, спрятавшей на восточном склоне горы В.

Подобно тяжелым молотам, стали бить по ней пушки «Марта», посылая снаряды в сиг- нальные. Корректировщики и наблюдатели вы- лезли, как после второго залпа так, на горе, в зарослях леса, взорвался боезас и в воз- духе зазвенела обломки снарядов.

Батарея замолчала. Но сразу же заговорила другая, повакшая железнодорожная бата- рия. Она пристрелялась к стоянке линкора, и один ее снаряд разорвался на корабле.

Тампа полза по палубе, но линкор продол- жал вести стрельбу из всех башен. Коман- диром Карган, Кудряцва, Веманзский, млотрук Полагин бросились к очагу огня.

В густом, черном дыму инженер капита- лейт Карган растащивала шланг и струей воды сбывала пламя. Бойцы аварийных постов находку подхватывали и выполняли распоря- жения. На ваннах, на растерянности: все были на своих постах, словно это был учеб- ный бой. Старшина 2-й статьи Гроссман с формира корректировала огонь главного ка- либра.

Была час дня, когда, наконец, потушили по- лод, и линкор вышел по гавани. А немецкая батарея все еще продолжала бить по тому месту, где стоял корабль.

В начале второго часа дня из-за туман вы- плыли баллистические бомбардировщики.

— Прямо по курсу самолеты противника! Двадцать три «Юнкерса-88» неслись на ко- рабль. Немецкие пикировщики заходили от- вестно на «Марта», сбрасывая бомбы, полни- вали корабль из пулеметов. Зенитчики били по ним в упор, даже не пригибая головы.

Вот пикрует ведущий эскадрилья воздуш- ных разбойников.

— Шинст идет в нике! — громко говорит наблюдатель.

— Ну и пусть идет. А вот выйдет ли? — спокойно отвечает командир отделения Цир- куль.

Он ваводит оружие и выпускает несколько снарядов позад.

Немец задумался и пошел на спяжение.

С воєм в сьветом пикировщика бросьдись на носовую часть корабля. Но каждый раз перед немецкими самолетами — выростала сплошная огневая завеса разрывов.

С воєм в сьветом пикировщика бросьдись на корабль. Но огнем главного калибра не прекращали огня по немецкой батарее.

Бомбы падали в 10—15 метрах от линкора. По воде разносился глухой металлический гул. Вода словно вскипала у бортов корабля. Высокие подлине валы вместе с осколками бомб падали на палубу.

В этом шуме и грохоте надо было не рас- теряться, не замечаться, ни на минуту не прекращать огня. И, стиснув зубы, зенитчи- ки делали свое дело.

Орудия раскалялись. Кто-то из краснофлот- цев принес мочало булыжники и выстроил их в тушин. От булыжков пошел густой пар, вода мгновенно испарилась. Тогда принесли мочки брезентовые чехлы и стали укутывать ими пушину жером стволы зенитных пу- шек.

Самое удалось то дальше, то ближе. Огонь мелькал перед глазами, и грохот сто- ял в ушах.

Острое стальное жало вошло в погу старшины зенитной батареи мичмана Котова. Кровь струилась по черному скулу брво. Но Котов стоял на посту и так же твердо командовал, подбавлявая бойцов, управляя огнем зенитной батареи.

Машины работали попеременно безотказно. Орудия главного калибра не прекращали огня по немецкой батарее.

Раненых замечали товарищи. На место вы- бивших из строя командиров становились краснофлотцы. И бой продолжался. Упорный, напряженный бой первого, характер, воле...

Эпилог

Александр Облендер

Не скрываю
Молодого лица,
Озаренные пламенем шкеля.
Где-то рядом
Ложится снаряд,
«Ягуар»
Прорывается в базу,
И простям
Языком говорит
Все летитсы поларые сразу!
Так живем мы
У края земного края
Что вы нас —
К перемене готовы.
Закверив переход, корабля!
Малое судно врывает шарваро.
И опять,
Океаном дыша,
Рвут финистские транспорты в клочья.
И, действительно,
Жизнь хороша
Даже в штире,
Даже темною ночью,
Даже в тесной форде врага
Под глубинными бомбами —
даже
Здесь —
вот именно! —
И дорога

До того,
— До словени не скажешь!
Вот подполза,
Вдоль бугаты скользкая,
Пробравшая к выходу в море,
Пожелаем ей счастья, друзья,
Пусть вернется с победою вскоре!
Вот всплел,
Встану якорю,
Покаждет скалстную гавань.
И над палубой всей
не зря
Полмкает,
— жаркая слава!
Вот ракета
Взвивается вверх —
И, в сиюминутном пламени тая,
Рассыпается, как фейерверк,
Испребретель шумная ста!
Пусть всего я не знаю еще
О любви, что радом творится —
Волонная товарищей лирица
И, волнение свое не тая,
Внику с устероги пирса подполза,
Как рождается песня моря
И творится героими слава!

Илл. ТИХОНОВ

Кутузов до двенадцатого года

Михаил Иларионович Кутузов получил артиллерийско-инженерное образование и начал военную службу с молодых лет. Служил в артиллерии отроду он был ротным командиром в полку, которым командовал сам Суворов. Военную школу он прошел под руководством Румянцева и Суворова.

Он знал языки французский, немецкий, польский, но даже в обществе, в котором все говорили по-французски, предпочитал он язык русский; он любил все русское и был великим патриотом.

В битве при Шумле пуля пробила ему левый висок и вышла у правого глаза. При осаде Очакова новая пуля попала почти в то же самое место. Ему грозил полная слепота, но природное здоровье и искусное лечение спасли ему один глаз. На втором он послал черную повязку всю жизнь.

Уже в турецкой войне Кутузов проявил решимость и творческий дух. Он не утруждался встречи с турецкими корпусом, а воевал пресмыкавшись его силы. Он отступил и заманил турок между двух огней, все отряды спрятав досюда казаков. Так удалось ему стремительно разбить турок. Они подтянули новые силы, но он обманул их с тыла, снова разбил их и отбросил к Измаилу. При страшном штурме Измаила после ожесточенного боя он вместе со своей штурмовой колонной ворвался в город. Под сильными огнем неприятеля его колонна преодолела и ров и лапидар, взорвала на вал крепости, овладела батареями и вынудила турецкого генерала турки бросились в контратаку. Кутузов сломил их упорное сопротивление, пробился в город, захватил множество пленных. Суворов говорил о Кутузове: «Генерал Кутузов шел в меня на левом крыле, но был моей правой рукой».

Во время следующей турецкой войны Кутузов извлек противника частыми сражениями, не дожидаясь генеральной битвы, и когда ослабил турок, то решил нанести решительный удар по главной армии. Он скрытно и ловко окружил главный неприятельский лагерь, перерезав все пути, савызнавшие его с тылом. После искусной осады Кутузов заставил сдать без боя тридцатитысячную турецкую армию. Этой славою победой Кутузов окончил кампания 1811 года.

С Наполеоном Кутузов встретился в войне 1805 года. Русская армия находилась тогда в союзе с Австрией, а австрийские генералы не могли сражаться с испуганными войсками Наполеона, и чтобы русские не оказались огрешившими и избитыми, Кутузов действовал осторожно. Он всецело ужаснулся от боя, при случае наносил врагу чувствительные удары.

Кутузов считал: лучше быть сбитой осторожным, нежели сбитой и потом обманутым. Предосторожность необходима в военное время, когда малейшее упущение может погубить целую армию.

Нашествие Наполеона

Наполеон, овладев себе Европой (одни испанцы не сдавались и воев против него народную войну), собрал огромную армию— в нее входили почти двенадцать разных национальностей— чтобы вторгнуться в Россию и завоевать ее. Но к одной войне он не готовился так тщательно, как к войне с Россией.

Великий русский полководец М. И. Кутузов.

Он вторгся в Россию с планом разбить русские армии по частям, во этот план не угадал. Пытался сжечь деревни, выжечь поля, сжигал хлеб, дороги были заложены неудобные, испорченные вьюнами. Сильные жары сменяли дожди и изурядили войска. Большие массы французской армии не могли скоро двинуться потому, что поджигали магазины, на которые надеялся Наполеон, оставили, а кавалерия его страдала от бескормицы. Началось развращение мародерство, появились отсталые.

Наполеон приказал перейти в решительное наступление. У Смоленска разгаром шла одна из кровопролитнейших сражений этой войны. Смоленск был превращен в груды развалин, русские сражались героически. Кутузов, вновь извлекший главнокомандующий, немедленно отступился в армию. Он спешил под Смоленск, но в пути узнал, что город оставлен. Он догнал отступающую полку у Гжатска. Солдаты, завидя его, стали чиститься, являться, строиться в ряды. «Не видно ничего такого»,— сказал им Кутузов.— Я приказал только посмотреть, дороги ли вы, дети мои. Солдату в полку не с чем поспешить думать, ему надобно отдавать শেষе трудов и готовиться к победе».

Увидел, что обоз какого-то генерала несет дымчатое полено, он тотчас же велел очистить дорогу: солдату в полку каждый шаг дорог: скорей к месту придет— больше отдыхать будет.

Кутузов видел, что русский солдат бодр духом, горит желанием и упреждает русско го народа жаждет битвы и с готовностью переносит все трудности похода. Кутузов видел также бегущие толпы народа Смоленска, толпы беженцев из разоренных французскими местечек, городов и деревень. Он обратился к ним с воззванием, где говорили «В своих лютых бедствиях своих покажите мне виноватых, сделайте своим духа. Вы исторгните из жилища ваших, но праг мой разрушить стены ваши, обитая в развалины и испепля имущество, наложить

на вас тяжкие оковы, но не мог и не может победить и покорить сердца наши. Таковы русские!».

Кутузов хотел заставить противника погубить в страду и, уклоняясь от генеральной битвы, помогать его силы, изустить его, обессилить, разстроить его тыл нападением партизанских отрядов, поднять народную войну против французского и при содействии голода и морозов предостереженной силой окончательно сорвать его.

Между тем войска требовали боя. Отдать Москву, московские святые без битвы быть не мыслили. Кутузов решил дать бой у Бородины.

Бородинский бой

Сьмьмого сентября 1812 года произошло знаменитое сражение. В рассветном тумане, в четыре часа утра, французам обрушился на левый фланг армии Кутузова предугаданное, но атаку фланг, укрывая четвертьмаг пехотными корпусами, поставив глав ные кавалерийские корпуса. Сильные силы французам не раз атаковали этот левый фланг, но отстранили каждый раз сильнейший отбор. В битву вводились все новые и новые части, и целые дивизии воевали, уничтожаями французским и турецким огнем. Непрерывно нагрядал все свои силы, батареи переходили из рук в руки. Но все эти пехоты и конницы на левый фланг русских отражали с таким неустойчиво, что вечером враг вынужден был очистить даже и то малое пространство, что успел завладеть в течение дня. Атаки на центр были так же малоуспешны. Войска истощались в рукопашных схватках,стребительная при доходе к батарее в конце шестнадцатого отбитого боя Наполеон не достиг никаких крупных результатов.

Тогда он бросил войска на центр, но при этой атаке Кутузов отдал приказ атаману Платову и кавалерийскому корпусу Уварова есследовать в тыл французам. Кавалери и кавалерия опрокинула французскую кавалерийскую бригаду и начала захопить в тыл французам. Это движение казаков наделало им два часа атаку на центр. И эти успехи привели к отбою. В конце отбоя около 6 часов вечера русская армия, отступив всего на километр с армией, снова стояла в грозном строю, готовая отбить врага.

Все войска сражались с немощерой отвагой. Груды трупов покрывали поле. Это сражение было самое кровопролитное из всех сражений этой войны. Французская армия в этом битве расплылась о русскую армию.

Кутузов смотрел на сражение с батареи впереди и внимательным взглядом, не обходя вынимая ни наверх и вниз, допытывая до него. Он слышал говорившим: «Раступившись, братья, не стойте толпами». Наполеон долго не верил, что Кутузов против него. Но увидя покусные и решительные движения русских, сказал: «В русской армии, должно быть, новый генерал» Ковал это передал Кутузову, он сказал: «Как ему не узнать меня, и старая его не забудет и, ая, знаком ему».

Кутузов понимал: надо сохранить армию и не продолжать битвы на следующий день— в отдал приказ отступить к Москве. Но в армии это нежелалось дать войскам бой у своего города. Кутузов послал генералов выбрать новоязы да сражения. Их выбрали у Половковой горы. Кутузов спросил генерала Ермолова, как он их изводит. Ермо-

лов отскакал, что драться на них нельзя: они неудобны. Тогда Кутузов собрал большой военный совет в деревне Флях.

Новый план Кутузова

С Поляной горы вставалась panorama великого горного, родного сараду каждого русского. Каково было старому командующему принимать решение, ему, которому доверили армию и судьбу России!

В избе в два часа дня открыл Кутузов военный совет. Генералы сидели задумчивые, печальные. Все ждало выхода из трудного положения. Никто не хотел перенять провидения, роковые слова об оставлении древней столицы.

Кутузов начал:

— Спасение России в армии. Выгодно ли рисковать потерей армии в Москве, приняв сравнение, для отхода Москвы без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение!

Тут все заговорили и говорили долго, не приходя к решению. Тогда Кутузов с тихим восторгом обратился к собравшимся:

— Итак, стало быть, мне платить за перебитые горшки. Я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но я владыка, владыка моею отечеством, приказываю отступить.

Генералы разошлись мрачные и утученные. Поздно ночью к Кутузову вошел адъютант и сказал:

— Вам же надо отдохнуть...

Кутузов, ничего не ответив, ударил кулаком по столу и закрылся.

— Да нет же! Будут они лошадиное мясо жарить, как турки... Будут и они, только бы...

И тут же он написал доверенное: «Истурские испепелит в Москву не есть еще покорежен России. Напротив того, я с армией делю движение на Тульскую дороге. Сие приведет меня в состоянии прикрывать плодородные области России и усилит армию моею чрезвычайными новыми резервами. Теперь не в дальнем расстоянии от Москвы, собрав свои войска, твердой ногой могу сюда вернуться».

В Тарутинском лагере русские войска отдохнули, поправились и получили подкрепления. «Солдаты», — пишет историк, — вновь ободрились, предвидя борьбу с неприятелем; в сапогах их поступил, в самом образе их с оружием везались их готовность сражаться, прогнать вражеские ряды и отбить свои пылающие жилища».

Москва была в руках французов, но землячества и гражданские Московские граждане собирались большими толпами, перхатыливыми обоями, ловили мародеров, убивали фуражиров. Они приходили к Кутузову, проси у него оружия для истребления утратителей. Кутузов называл их истинными сынами России и помогал им вооружаться. Партизанские отряды Дениса Давыдова, Селлана, Фигера и других громили французские тылы, разрушали коммуникации.

Кутузов всячески хотел, чтобы французы продолжили свое пребывание в Москве, чтобы они разложившись и отстояли окончательности. Он широко распространял слухи о бедственном положении русской армии, чтобы ввести врага в заблуждение. Наполеон верил этим слухам и разволновался.

Кутузов ругал разные враги и недобродетельные, но он переписал все нациды, терзаю их вот так:

— Затяжка войны—время—мой союзник.

Кутузов понимал, что делается в душе простого русского солдата, когда покидали Москву. У Тарутина он велел одну колонну в обратном к солдатам со следующими словами:

— Я видел слезы ваши, слышал ропот из судьбы и знаю пламенное желание зорбых товарищей умереть за каждый шаг родной русской земли. И вот мое, где есть свет увидит райский пример священной любви

Конец Бородинского боя.

Кутузов и Лористон

ва и непоколебимой приверженности русского козства к отечеству. Здесь воскреснут бессмертные дела Пожарского, Пашнина и Милоса. Здесь, друзья, сольем мы благодарные желания, содвинем усилия и откажемся от всего, кроме славы, побед и смерти!

Сам он за время двухнедельного стояния в Тарутине продолжал исполнять армию, и в ней уже было довольно сень таксы регулярных войск, не считая оловения и казаков. Наша армия вымолила прекрасный и хитрый план Кутузова. Она прикрывала богатые южные губернии, располагалась в центре трех главных ведущих на Москву на юг дорог и появилась на фланге французской армии.

Прекращение Кутузова о войне, которую будут жарить французы, исполнению в самом скором времени. Положение Наполеона ухудшалось с каждым днем. Остатки завесов исчезали, лошади падали без корма, на Москву на добычу провозившая все труднее и труднее было выходить из-за множества обложивших Москву партизанских отрядов.

Видя, что положение угрожающее, Наполеон на двадцатый день пребывания в Москве, не получая от нас мирных предложений, сам послал к Кутузову своего генерал-адъютанта Лористона с письмом.

Наполеон перед началом похода обещал своим солдатам, что если они дойдут до Москвы, то война там окончится. «Там ждет вас славный мир, слава и торжественно победителей, всякое обилие и всевозможные наслаждения», — говорил он им. — Мы должны изгнать московских варваров в отдаленные азиатские степи.

Солдаты в армии Кутузова называли Наполеона злоком, похлывав в шенета в Москве. Поэтому, узнав о прибытии Лористона к Кутузову, солдаты встревожились: неужели будет заключен мир с Наполеоном? Они прозвали Лористона «Лари-стой».

Вот что произошло у Кутузова с Лористоном. Лористон приставлял Кутузова, и главнокомандующий спросил его: «Здоров ли ваш император?» Лористон ответил: «Да—и хотел говорить о деле. Но Кутузов перебил его: «Я думаю, что он в Москве живет у нас очень весело!» «Да», — отвечал Лористон, — он поручил мне...» Кутузов снова перебил его: «Часто ли Наполеон ходит в театр?» «Иногда», — сказал Лористон. — Он поручил мне...» Но Кутузов подхватил: «Напрасно! Я на его месте бывал бы по два раза в день!» Лористон сказал: «Он поручил мне...» Но Кутузов

Сражение под Малоярославцем 12 октября 1812 года.

Переход наполеоновской армии через Березину.

продолжал: «О, в Москве есть прекрасные французские актеры». Лористон испугался, что ему не придется рассказывать о порученном деле. «Ваша святительство, пожалуйста...» — начал он. Но Кутузов снова перервал его: «Из них мне много из знати французских фамилий».

Наполеон Лористон рассказал, что он прибыл с просьбой о заключении перемирия для прекращения ужасного голодоморения. «Русские уходят не по правилам, жители нападают на французов, сжигают свои дома и хлеб». «Привалю», — сказал Кутузов, — «они считают ваше высидение как наказание татар, и я не могу и не хочу их убеждать».

Что касается мира, то Кутузов сказал: «Я не властен принимать предложения о мире и не вижу в этом необходимости. Но», — возразил Лористон, — война должна же когда-нибудь кончиться, нельзя же с такой жестокостью продолжать ее без конца. «Наполеон сам довел коварство и жестокость в войне до высшей степени», — заметил Кутузов, — и война кончится не раньше, как французы уйдут за Вислу. Никогда не Россия, которая могла бы заранее ударить на все воины и селения, пригрозившие на русских границах, и уничтожить протополки Napoleona в канальстве, но думала до конца сохранить мир. Наполеон назвал без объявления войны и опустошил большую часть империи. В то время, как он объявляет в Москве, что война окончена, русские полагают, что она только еще начинается, и что если она соймывается в том, то вскоре узнает на опыте это. Лористон снова стал жаловаться на ярость и злобу в народе против французов. Кутузов ответил, что в первый раз слышит жалобу из устряде и любви и отговачу целого народа, который совершилается называему на него врагу».

«Что же касается до московского пожара», — сказал Кутузов, — я стар, опытен, пользуюсь доверенностью русского народа и потому знаю, что каждый день, в каждый час происходит в Москве. Я сам принимал сжечь склады, но по прибытии французов русские сами истребили только каретные ряды, которыми вы овладели, и начали делить между собой клады. Вы разрушили столицу по своей методе, определяя для пожара части города, которые надлежало защитить в известное время. Я имею подробное известие обо всем. Вы разбавили пушками дома и другие здания, которые были слишком крепки, стреляя в них посреди осады. Будьте уверены, что мы остаемся вам завластны!»

Лористон сказал, что война еще не кончена, что последняя ее неизвестна и что

лучше бы даум великим народом заключить решительный мир.

Кутузов вскричал гневно: «Как! Мне предлагать мир? И кто? Тот, который попирает священные народные права. Нет! Не будет его, пока в России есть русский! Я докажу противное тому, что выи много отечества предостают. Сохрдитесь на мир! И кому? Русским! И где? В России! Нет! Никогда этого не будет!»

Так Лористон ушел ни с чем. Слыва об отказе Кутузова прошла по армии, вызвала геройский подъем, все стали готовиться к наступательным операциям.

Вскоре Кутузов узнал, что Наполеон оставил Москву.

Великие битвы за освобождение России

Шестого октября Мороз был разбит русским при Тарутине. Русская армия жалала наступать.

Наполеон пошел на новую Калужскую дорогу и десятого было уже у Омниского. Он рассчитывал с западной стороны обойти русскую армию, занять Калугу и отступить по Смоленской дороге новым путем, на котором можно было бы найти протополки для армии. Французский отряд на Можайской дороге маневрировал для иду. Кутузов хорошо разгадал этот план и перешел на старую Калужскую дорогу, направились встретили Наполеону корпус генерала Дотурова. В 8 часов утра французы столкнулись с русскими у Малоярославца.

Кутузов с армией подолился медленно, а Дотуров уже начал оксесное сражение. Оно с кладой минутой стаялоило все упорнее. Один русский корпус выдержал атаку всей армии Наполеона. Был удался восемнадцат часа. Дотуров при поддержке Лористона и Кутузова, фельмаршал сказал его посланному: «Возвращайтесь, не устаньте неприятель!» Город спасли перешоид из рук в руки. Давясь на улицах, в домах, на площадях, армия наша подохладил медленно и скоро была в виду французов, но не вступала в бой.

Дотуров преследовал воево доухотата с донесением, что он не сможет долее держаться. «Неприва», — сказал Кутузов, — он будет держаться».

«Конец города был уступал французам, но он доставал им целой величайшей жертвы со стороны Наполеона; русская армия успеха сооротечности и отградит путь за юг».

В сужоке Кутузов сказал: «Теперь пора принимать и нам за дело. Поспеими на помощь нашему корпусу. Что было делать? Неприятелю хотелось узнать, где и вкожу с армией. Это для него очень важно,

по теперь он меня не увидит отступоциом. Поайте!»

Наполеон отозвался об бою с армией Кутузова и шеш к Смоленску по кратчайшей, но старой, разоренной дороге. Шестнадцатого октября начался поход, и этот день был переименован днем войны. В тот же день начался походом Кутузов написал в приказе: «Наполеон двинулся. В бегстве своем оставил об озои, взрывает на воздух ищии со снарами и бросает нагробанных. У нас началась у него побобога и неполадки разного рода. Потугите зрво неприятельский пожар московский. Соотечественники! Вышейте и благословите!»

Зима наступала ранняя. Француз, обеспеченные голодом, мрачно поехали под ледяным ветром, средь вывет и метелей, падали замерзшие деревья. Они не могли выносить сурового зимнего климата. Кутузов отдал по войскам новый приказ: «Последние чрезвычайные успехи, озераняемых нами ежедневие и походу напад неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он перебитить, успеет остынуть его. И так мы будем преследовать. Настает зима, вывети и морозы, но нам ли бояться их, дети Севера? Железная гора ваша не страшится ни суровости погоды, ни злости врагов. Она есть великая стена отечества, о которую все сокрушается... Идем вперед! С нами бою, перед нами разбитый неприятель, за нами да будет тишина и спокойствие!»

Он напел о Наполеона: «Позабавь насности име величайший удар параллельным преследованием».

Это значило, что русские пошли рилом с французами, не длази но переименн. Кутузов протарас армия воево в южные богатые области, а сам мог пользоваться отсюда всем необходимым для армии.

Кутузов проклянул уклучиться о рещительного бою и еще боевые старались рещить народую, партизанскую войну. Он горюил при французскую армию; «Это и без меня все развалится».

И верно, армия Наполеона превращалась в каждую деем все больше в истощае, разномычное собрание людей, закутанных от мороза кто во то поило. Солдаты проклинали Наполеона как виновника всех их бедствий. Их бил русский солдат, и они теряли обози, пушки, тысячи пленных.

Убегая, Наполеон все же ежадневно издавал разные приказы-божления по своей армии, напоминая их разными небытиями, и говорил, что это — отступление, а наступательное действие против Петербурга, что Смоленск, к которому он бежит, ближе к Петербургу, чем к Москве, и тому подобие сказки.

Кутузов обомел Елиза и направила армию на Красный. Он шутли и горло весело: «Воево, Наполеон не думает, что его жестоко разобьет!» Наполеон не мог предстать, чтобы что-то было в виду, и в итоге у его армии, а не находится где-то слады, и како было его возмутье, когда у Красного он встретил салмную русскую армию».

Весь шестой ноября корпусу Даву и Нен были разбиты русскими наголов. Не будучи в состоянии пройтись, Ней отобрал ночью три тысячи самых способных к бою людей, перебрава Днепр, по дружному гиду и победил к Орше. Но Ней догнал Платов и так делал, что Ней привел в Оршу только двести человек.

Конец великой армии

Перебрала французскую армию через Березину превратилась в гигантскую катастрофу. Артиллерия, обози, конница, пушоты — все снечили удасть, токая друг друга в воду, падали, тонили, переблала от рук русских пушек. Тут был отбит весь обоз наполеоновской армии, казенный и частный. Тысячи озозе, телег, карет, фур так заблуда дорою на полторы километра, что не пройти, ни проехать было невозможно.

Солдаты не имели ни багмаков, ни сапог; повязав голову тряпками, женскими чепчиками в капюшоны, одетые в ружья, стирала мехами, командовали шестеро, был только один зампалат. Санг, в которых ехал Денис Давыдов, все время стучал о ялечи и голызы замарашек на этой страшной дорожке. Наконец Николенька бросил эти остатки армян и один ускакал в Париж.

Кутузов написал тогда в приезде следующие слова: «Система приватизации оказалась выигранной только воюющими армиями, но полями, выехавшая из Москвы до границы».

Кутузов исполнил свой долг перед родиной. Он весело сказал генералу Ермолову: «Губитель! Если бы кто делал два-три года назад сказал мне, что меня победит судьба иполитик Наполеона, гегемата, страшнейшего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожденье».

Война и предания России была закончена.

Из громадной наполеоновской армии в 600 тысяч человек образовался отрядчик всего около тысячи человек, а без оружия — 20 тысяч. Удивительная военная выдержка Кутузова, а также патриотизм русского народа, упорство и стойкость переправы на народной партизанская война, удивительная доблесть русских войск — вот причина поражения Наполеона.

Русская армия перешла русскую границу, преследуя Наполеона. Кутузов не был сторонником переноса войны в Европу. К этому времени он протрудился. Старый герой умер в Бухарала в Селедню 28 апреля 1813 года герою оплакивали армян и всеми русскими людьми.

Черты полководца

Раньше получить трудно, в службе главное — исполнить свое дело. Какая от того польза отечеству, если захочет блеснуть храбростью, заглядывая в бесполовую оплошность — говорил Кутузов.

Беспорочное поименование начальникам есть душа военной службы, считал он. «Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мещется в дело, а тот, кто повинуется, исполняя точно приказание».

Потому он всегда сам следил за точным и строгим порядком в войсках. Поэтому он был беспощаден, если случалась несоразмерность в выполнении боевого приказа. 5 октября 1812 года он повелительничать главного штаба Ермолову: «Ван известен был инамерением своим атаковать на расвете неприятеля. Но, к удивлению моему, узнав от корпусных гг. начальников, что вчетко из них привели да же в 8 часов вечера не получат».

Ване прехотительство разделяется со мной его важность такого случая, и я не могу оставить без размышления прищипки его, какое уничтожение Ван исполнить присягнув, оказавшись будут нежелательного Ваншего о сем доношение».

И он строго наказал виновных. Входя он принимал такую присягу: в один и тот же час послать двух курьеров по двум разным дорогам. Одного с тем, чтобы он доскал наверняка, а другого с тем, чтобы войска французам. У первого — дознание точное, у другого — ложные сведения, там же, какие наружу неприятелю. Этими ложными сведениями он не раз вводил в заблуждение Наполеона.

Кутузов всегда беря солдат, Отправил генерала Ермолова в бой, он настаивал его: «Губитель! Будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в досуде».

Он приказывал не амальгмар в цель большое количество стрельков, говоря, что большая потеря стрельков не может отпущена к искусству. Действительно, если по толкам объясняется чрезмерным числом стрельков, подставляемых под огонь.

В мирное время Кутузов обедал и ужинал, ложился спать и вставал строго по обстоятельству, видит его беспорядок, но к старости он стал кушать однажды в сутки, ложился в одиннадцать, вставал не позже восьми часов. Во время полководца

Отступление французов.

случилось, что он несколько ночей спудку проводил без сна, когда успех дела зависел от непрерывной работы. Тогда он всю ночь рассуждал молча про себя в своей комнате голландского происхождения. Там он такъ заснул сном и, проснув самое короткое время, проснулся и, проивая себе пальцами тревогу, авставал, будил других и начинал снова работу.

Он заботился, чтобы солдат был одет, обуи, чист, опрятен, сыт. Раз он услышал, как двое солдат с великим жаром говорились, вызываясь храбрости одного генерала. Он вмешался в их разговор и спросил, точно ли так он храбр и совершил то, что они про него рассказывают. После этого он немедленно представлял к награде этого генерала, а присутствия командира и солдат поблагодарил его за доверие.

Особой привязанностью у него пользовались заслуженный старый герой многих войн генерал Сергей Семенов. На походе, отсылав его роту на бой, он обыкновенно подыждал и говорил: «Братцы, а где Сергей Семенов?» Тот являлся. «Ах, брат, забыл меня, старика», говорил Кутузов, — а я, право, устал стоять на лошади. Принеси-ка, братец, соломики: старым костям отдохнуть хочется». Он садился на солому, греясь у костра, говорил: «Вот теперь лучше не надо, вот теперь и спокое. Надо поесте, однако. Дай-ка, брат Сергей Семенов, сукрышка да водички». И так, сидя на соломе, гривая сукры, он подолгу беседовал с солдатами, узнавая про их нужды, про их боевые дела.

Зато его отличия в боях показывали чудеса храбрости. В сражении под Бородиным дело дошло до рукопашного боя. Солдат Ручкин, аяла, что его подполковник грозил смертельной опасностью, нелетел на французского одного заковала, а от другого высшего командира, получив толчок в спину штыком, который на ребре, и счастье, свихнулся и вывихнул левый бок. В это время француз был хит и искусен в ружье, которые держались на штыке. Вынул штык из Ручкина, и он кинулся в сапку и еще заволочил одного француза.

Главнокомандующий 1-й армии Барклай-Толли, узнав этот подвиг, подполков Ручкина, всего залитого кровью, надел на него крест, боевую награду, поздравил унтер-офицера и приказал идти на деревню. При отступлении полковник взял его на дрожки, но через пять дней Ручкин по своей воле вернулся снова в стору — быть воем.

Боргову солдату, Сучкову, отдалось обе ноги. Его хотели везти в тыл. «Нарипный роту, братцы», — сказал он, — жить мне ильда, да и я сам не хочу. Тяжко житье беомогому. Но в душе моей остались еще

патроны, надобно, чтобы они пошли в дело. Посадите меня, ради бога, возле батареи на пригорке, чтобы мне ловчее было щелкать в супостатов».

Его желание исполнили, и он сделал восемьдесят выстрелов, ни разу не оступив. Убит до десяти французов, он умер, сложив ружье в руках...

Таковы были солдаты Кутузова в великий двенадцатый год.

Кутузов прославил Россию своим памятником искусственным полководца. Он, выбравший самим народом, указанный голосом народа быть руководителем народных сил, отразил нашествие, угрожающее гибелью России, но хотел, чтобы восток исторических подвигов преданы были забвению. Так он просил о сохранении, например, туртунских укреплений на вечные времена. Он писал: «Село Туртуново означительно было славной победою Русского Воинства над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нарва будет для нас так же знаменита, как и Нева».

Будет для нас так же знаменита, как и Нева — на берегах которой победил бесчисленные ополчения Мамаю. Пожароопасные утрупы, чтобы укрепления, сделанные близ села Туртуново, — укрепления, которые отпугивали полки неприятельские и были твердою преградой, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозившая захватить наш восток свое погоню, не трогает их своим штурмом; пуская и в позднее время будут они для россиян святынями патриотиками их мужества; пуская вновь повторить, смотря на них, будут восприматься отмен соревнования и с восхищением говорят: «Вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью славных отечественных!»

Завоей прошлого года являю ожидаю эти славные места: Туртуново, река Нарва, Нарофоминск, Можайск, Вородино. Слова на этих местах русский народ дал отпор наглости и страшиному врагу, грозящему захватить сердце России! — Москву».

Чтя величие имени славных своих предков и среди них великого русского полководца Михаила Кутузова, русские воны дерзуют не на издвиг, а на смерть с ослепляем врагом, показывают чудеса храбрости, помня, что отныне наша задача, задача народов СССР, защита бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будут состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов (Сталин).

СЕМЕРО

А. МАРЬЯМОВ

Их было семеро. Запомни их имена.

Командиром у них был младший лейтенант Загородний. С ним пошли командиров отделений Шитнов и Кузнецов, краснофлотец Суслов, Шабалин и Коробов. Седьмым был Озеров. Он единственный остался в живых и рассказал о подвиге своих боевых товарищей.

Семеро шли в разведку.

Они должны были выйти к высоте, что вклинивалась в передний край обороны противника, соединиться там с другой группой моряков и с ними вместе идти на выполнение боевого задания.

Рано утром, став на лыжи, семеро пошли к высоте. Они еще не достигли назначенного места, как увидели отряд, двигавшийся им навстречу.

— Вот и наши,— сказал Суслов.

— Не надо шептать,— остановил его Загородний.— Выглядит крадучийся.

Навстречу шло человек шестьдесят. Скоро они приблизились настолько, что разведчики услышали их голоса, услышали слова нужной речи.

Это были немцы. Также разведчики.

Кругом лежали открытые, заметные снегом, пологие горные скаты. Только там, где остановилась семерка, можно было укрыться в реденькой березовой рощице. Оторваться от этого небольшого укрытия— значит, сразу выдать себя немцам. Выглядеть тогда нельзя: немец подойдет ближе, заметит и окружит. Значит, остается одно: выживать бой.

Семеро против шестидесяти!

Загородний вышел из-за березы и крикнул:— Халить!

Но шестидесяти немцев, видно, были опытные разведчики. Они не растерялись от неожиданности. В ответ сразу затрещали автоматы. Упал раненый Коробов.

В ствол отсалтовало шесть бойцов.

Крепко обхватив Коробова, Кузнецов потащил его по снегу к большому валунам, между которыми был естественный снежный скот. Оттуда, укрывшись за камнями, уже открыли огонь полуавтоматами Шитнова и Суслова.

Загородний и Озеров приготовили гранаты и, выждав, пока группа немцев подошла поближе, бросили гранаты в набегавшую группу. Из восьми немцев удалось отбросить только пятеро.

Теперь против шести было пятьдесят семь.

— Ну вот. Теперь уже проше.

— Это был снес советского боя?

— Помостри: не окружат ли? Если немец обходит, дай знать! — приказал Загородний.

Они все были спокойны. Каждый знал: в длен они не поладят. А смерть? Смерть любой из них сумеет встретить достойно.

Сделав перебежку, Озеров выбрался на небольшие плато и увидел, что немецкий отряд

рассеивается цепочкой. Пятьдесят семь фашистов вороски окружали советских разведчиков. Видно, думали взять живыми. Но нет, не было этому!

Озеров подав знак Загороднему. Близ старой своей лыжни, в редкой полосе березки, разведчики стали занимать круговую оборону.

А немцы подходили все ближе и ближе, е фашизов и саали. Разведчики отстреливались. Еще семь немцев было уничтожено их огнем.

Осталось пятьдесят. Пятьдесят против пяти: Кузнецов был убит.

Загородний вел освою по фашистам методически и спокойно. Облуживая себе цель, он нажимал спуск — и немец падал, замаячая руками, словно пытаясь заглянуть лицо от летящих пуль. Он уложил так уже четверых, столько же упали от пуль Шитнова.

Осталось сорок два. Сорюк два и четыре: убит Шабалин.

Четыре комсомола, четыре русских моряка, четыре преданных сына своей родины сражались против оккупантов двух заматчиков, поскупувших на родную нашу землю.

Загородний приказал Озерову:— Пятайся прорваться. Мы здесь постараемся прогнать сколько сможем. Если прорвешься,—веди подмогу.

Подчинив приказу командира, Озеров отогла на край крутого обрыва.

Последнее, что он видел перед тем, как оставил товарищей, была смерть Коробова.

— Я вам мешаю,— сказал тот совсем просто.— А помощи от меня никакой.

Непослушными, слабощими руками он вытаскил свой наган, разрядил шесть патронов по немцам, а седьмой пулей, прежде чем кто-нибудь успеет удержать его, остановил свое сесяние.

Теперь в березянке оставалось трое: Загородний, Шитнов и Суслов.

Отголоском от нескольких обледенелых камней Озеров по крутой стене обрыва скалывал вниз. Поднялся на колени: на лезвие тупого ступить, аерно, выскочил. Но Озеров словно не чувствовал боли. Заняв в каждой руке по гранате, он быстро двинул вперед.

Он искал старую лыжню, по которой шли разведчики к ландшафт высоте. Вот видна лыжня, только заторопило. Но за это время выпал снег, лыжня загорюшило. Как тут разберешься: та лыжня или не та? Рядом тянется какой-то телефонный провод.

Озеров разрезал провод и залег поблизости. Кто придет чхать? Наши или немцы?

Пришли двое. Говорят по-русски. Несколько минут Озеров прислушивался, присматривался и только когда хорошенько убедился, что это свои, вышел из укрытия. Он рассказал бойцам о трех своих товарищах, которые остались в окружении, и все вместе они двинулись за подкреплением.

Они торопились, они не терли ни минуты,

и все-таки помощь подошла слишком поздно. Седьмой, оставшийся на месте решительной схватки, лучше всяких слов рассказал им, как умерли три хабрабеа.

Они шагали труп Шитнова.

Шитнов разстрелял все свои патроны. Сломал полуавтомат, чтобы враг не мог им воспользоваться. Бросил в немца все гранаты. Все, кроме одной. В эту последнюю гранату он вложил заряд, поставил на боевой взвод, вступил и приложил гранату к груди, в которой былое памянное и мужественное сердце. Он держал гранату крепко, отчетливо вра себе секунды, которые должны были пройти до взрыва. Наверное, немцы видели его — не могли не видеть — а эти секунды. Они видели лицо Шитнова — спокойное и величественное в своей решимости. И, наверное, им стала понятна тогда простая и благородная истина: сколько бы ни длилась война, им не выиграть битвы. Они могли противопоставить нашим танкам свои танки, нашим самолетам — свои самолеты, нашим пушкам — свои пушки. Но сила нашего духа они не могут противопоставить ничего.

Немцы смогли подойти к шестерым хабрабеам только тогда, когда все они были уже мертвы.

И над мертвыми они издавались.

Кемпелем они распорили Коробову шеку от рта до уха.

Кузнецова они вставляли штыками. Кузнецов был уже мерта тогда. Это было видно по тому, что из колодезь ран уже не текла кровь.

Мертвую Суслова они отгоражили руку.

Подоход от Суслова лежал Шабалин. С него была сорвана гимнастерка, а из подолосты краснофлотской телушки была заморожена тесаком звезда. Немцы кромали телушки вместе с кожей, охваченные тушой и жуткой злобой, которую нельзя даже назвать звериной, потому что нет зверя, который был бы способен на подобную бессмысленную жестокость.

На шею Загороднего они накинули петлю и вложили его тело по камням, через сугробы, по местному кустарнику, словно старались распылиться с ним за тот старт, который пришлось им испытать в этой схватке. На этом пути оставались влодько измороженнй каменные одежды, куеки сорванной кожи.

Моряки, которых Озеров привел к месту гибели савис бонных друзей, собрали обезображенные трупы и положили их на снегу близ той самой березиновой рощи, где разведчики подымали приближения врага.

Моряки смотрели на останки доблестных бойцов, чтобы навсегда запомнить и похвалить то, что свалили с плеча Суслова, и странную рану на теле Кузнецова и Коробова, чтобы запомнить невнятный след того страшного пути, по которому положили труп Загороднего, чтобы навсегда запомнить кровавую звезду, вырезанную на груди Шабалина.

— Памяти! Не забудем никогда! Не позволим нам стать добрыми и жалостливкими к врагу!.. Мы запомнили навсегда эту войну и многому научились. И мы никогда не забудем тех разведчиков, кто погибли в декабрьское утро на одной из злополучных безымянных высот.

Семеро вступили в бой против шестидесяти. Из семеро выжили победителями.

Они победили не только потому, что от немцакого сердца а шестидесяти человек после битвы отсталось в живых не больше пятинадцати. Они восторжествовали над врагом, самой смертью своего дотажеа, что наш народ победить нельзя, ибо нет крепче силы, чем сила любви собственного человека к телукой доле своей.

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

Я. ХЕЛМСКИЙ

Вот это ширь. Ее зовут «Россия»,
Здесь каждая березка нам родня.
Вот стройные березняки, Спроси их:
О чем они тоскуют в эти дни?
Росу в траву роняя словно слезы,
Они ответят, горя не тая,
Что сестры их — полесские березы —
В плену у вражеского зверья.
Спроси у сосен — северных красавиц,
Задумчиво глядевших на закат, —
О чем они без устали шумят,
Иль вот тучи кромяки касаясь?
И покачнется хвост величаво.
Она лишь, дума мучает сосну:
В плену томится তোলা Подпята,
Одесские акации в плену.
Взгляни, как многоводна наша река.
На сотни верст, пошла и широка,
Расквашена свободная навеки
Родная Волга — гордая река.
Уже давно она не знала грусти,
Но о страданиях старого Днепра
Задумалась от гирля и до степя
Его большая русская сестра.
Прислушайся: разгневан даже камень.
Вот — украшенная милой наш земля, —
Овеянная вьюгами веснами,
Стоят седые русские кремля.
В обиходах круглых свивает ветер резной,
То плочат бабки древняя вдали
О почерневших новгородских фресках:
Их варяги немские сожгли.
Она грустит и молчит о возмездии —
Израженная, скорбная земля...
Но близок час — опять сойдутся вместе
Березы, травы, реки, тополя.
И лишь детально мирного пейзажа
В плену у бывших фронтовых дорог
Мелькает, как след разбитых полчищ вражью,
Несмелый продрывленный сапог.

УЧИМСЯ РАТНОМУ ДЕЛУ

Секретарь Красноярского крайкома ВЛКСМ И. ВОЕЙКОВ.

Тысячи километров отделяют Красноярский край от передовых линий огня. Но и мы ощущаем дыхание фронта и готовим себя к бою за независимость нашей отчизны.

Больше двадцати пяти тысяч комсомольцев и несомненно молодежи края в первые же дни войны ушли добровольцами на фронт.
Наша товарищи справляли надеждам, которые на них возлагались. Они смело сражались с немецкими захватчиками.

Совсем недавно мы получили письмо от бывшего комсомольского работника края товарища Федорова.

«Я был назначен в И-ском учебно-комиссарский батальон, — пишет он. — Вид нешел под Ядройл, Клином, Волочком и был сейчас на И-ском участке фронта. За честную службу правительство наградило меня орденом Красной звезды».

На другом участке фронта, где сражались товарищи Федоров, получилую воинскую славу заслужил секретарь Маевского райкома комсомола Якимов, который сам уничтожил много немцев. За проявленную отвагу и героизм в борьбе с немецкими захватчиками награжден медалью «За отвагу» другой наш товарищ — секретарь Иланского райкома комсомола Минухин.

Успехи фронтовых товарищей обязывают нас, комсомольцев тыла, с еще большим старанием работать над подготовкой кревкик, надежных резервов Красной Армии.

Несколько тысяч юностей нашего края уже закончили обучение в специальных комсомольско-молодежных формированиях первой очереди. Многие из них, попла на поле боя, показывают хорошее знание военного дела.

Не случайно двадцать девять лучших бойцов-отличников, командиров и заместителей политруков комсомольско-молодежных формирований края были награждены знаком «Отличник РККА».

В числе награжденных был и заместитель полнотрука товарищ Барышников. С первых же дней занятий он проявил много самостоятельности, использовал каждую свободную минуту для того, чтобы постигнуть все секреты управления минометным огнем.

Другой заместитель полнотрука, комсомолец Манкевич из города Ачинска, также награжден знаком «Отличник РККА», в совершенстве изучил станковый пулемет и за успешную боевую подготовку был назначен командиром пулеметного отделения. В короткое время он успел освоить также ручной пулемет, автомат и снайперскую винтовку. Другим не зря прозвали его универсальным мастером военного дела. Теперь Манкевич призван в гвардейскую минометную часть. Мы уверены, что при любых обстоятельствах товарищ Манкевич не отступит перед ненавистным врагом.

Владимир Ильич учил нас, что усиленная военная подготовка для серьезных войны требует не поспыра, не кличка, не боевого азарта, а длительной, —напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе.

Правильность указанной товарища Ленина доказана жизнью. Серьезное, настойчивое, а главное, систематическое изучение военного дела — мы теперь знаем — приносит азамательные результаты.

Стоит сослаться на пример И-ского завода. Здесь секретарь комсомольской организации товарищ Сажин сам внимательно и серьезно изучает военное дело. Кроме того он полнотрука завода минометчиков. На этом заводе из числа 68 товарищей, изучавших миномет, 29 получили отметку «отлично» и 39 — «хорошо». Комсомольцы Барышников, Яков, Тараканов, Весталко и многие другие показали превосходное знание своего будущего оружия.

За последние время среди молодежи другого нашего завода особенно усиливается интерес к военному делу. Каждый комсомолец здесь хочет изучить какую-либо военную специальность и это свое желание превращает в жизнь.

На заводе создана военная группа комсомольская производственная группа имени Эон Космодемьянской. В ней 11 человек. Вместе с командиром группы — товарищем-станковиком Надей Ивановой молодые ребята хорошо изучили материальную часть винтовки, а сейчас заняты за изучение автомата. С каждым занятием возрастает у них интерес к боевому оружию. Это, несомненно, заслуга руководителя военных занятий участника Отечественной войны товарища Ратко, который прививает своим молодым товарищам любовь к воинскому делу.

Комсомольцы создали здесь постоянно действующую санитарную дружину. В ней обшчилось 35 девушек. Все они с нетерпением ждут момента, когда им допустят на поле боя. Семнадцати комсомолок окончили курсы медицинских сестер и тоже готовы отправиться на фронт.

Начались на заводе и такие девушки, которые извлекли желание изучить противопожарное дело. Комитет комсомола пошел навстречу их стремлению и организовал противопожарный комсомольско-молодежный взвод. Читатели уже по тому, что и говорил выше, успели заметить, что желания стать бойцами фронта попла не только наши юности, но и девушки. По просьбе комсомольцев на заводе было организовано комсомольско-молодежное формирование снайперов. Узнав об этом, в комитет ВЛКСМ пришли 100 девушек и сказали: «Мы хотим стать такими меткими стрелками, как Тлодизла Павличенко. Помогите нам изучить снайперскую винтовку. Эта просьба девушек была удовлетворена».

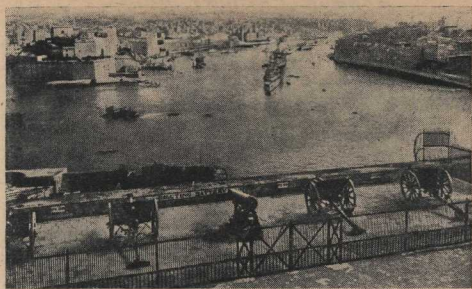
На городском заводе в Ачинске. Девушки упражняются в метании гранаты.

Большие занятия для военного и физического развития молодежи имеют военно-спортивные игры и состязания. Они вошли в быт заводской молодежи. В каждой цеховой комсомольской организации сейчас созданы всеобъемлющие команды. Сплани комсомольские оборудованы для спортивных площадке.

Все это очень скоро сказалося на деле: заводская комсомольская организация заняла второе место в крае по проведению зимнего лыжного и летнего легкоатлетического кросса.

Можно, не хвастаясь, прямо сказать, что интерес к военному делу и физкультуре теперь чувствуется не только на этом заводе. Подтвердить это можно такими примерами. Вторым профсоюзно-комсомольским лыжным кроссом по нашему краю приняло участие около 118 тысяч человек, а 92 тысячи из них сумели прийти к финишу в положительном Неплохие результаты показали и участники летнего кросса.

Фронт ждет готовых обученных воинов, откликнувшихся своим оружием. Мы знаем это и потому готовы нашу красную комсомольскую организацию к тому, чтобы во всеоружия встретить любых неприятеля, чтобы победительными амыти из любой битвы, какую бы нам ни пришлось вести с ненавистным врагом.

...Туман рассеивается, и появляются розовые от утренней зари здания, крепостные башни и стены, окружающие Ла Валлетту. Старинные орудия, установленные на набережной, отражают салютов прибывающие суда.

Часовой Средиземного моря

Владислав ЯКУБОВИЧ

Под покровом ночной темноты огромные военные транспорты, в тесном кольце сторожевых кораблей, медленно подходят к берегам Мальты.

Кочевь далекий и опасный путь, Солдаты толпятся у бортов, тиснет стараясь рассмотреть очертания знаменитой крепости. Во мраке чуть видна лишь огромная, почти отвесная скала, сплошной плеток воды, бьющейся о берег, да несомклемый гул самолетов, охраняющих остров с воздуха.

Утром туман расходитсЯ и перед восхищенными взорами появляются розовые от утренней зари здания, старинные красные башни и стены, окружающие город, раскинувшийся на склонах скалы.

Транспорты уходят в большую гавань — Грэнд Харбор. Это одна из лучших гаваней мира. В ванн для она пероклассный военный порт, с доками, верфями, эллингами, производственными и угольными складами. Грэнд Харбор разделяется скалой на две части. Каждая из них, а свою очередь, разветвляется на множество бухт и бухточек, способных укрыть десятки и сотни военных судов, под защитой бесчисленных фортов, построенных вокруг гавани.

На мысе, разделяющем Грэнд Харбор, лежит Ла Валлетта — столица Мальты и ее креп-

ость, окруженная старинной стеной с фортами и дотами. Город поднимается по склонам скалы. Улицы его расположены одна над другой террасами и соединены пологими, широкими лестницами. Ла Валлетта сохранила до нашего времени своеобразную прелесть средневекового города. Высокие белые дома, украшенные гербами с мальтийским крестом, многочисленными балконами, узорчатыми цветами, образуют узкие улочки и переулочки, тугой сетью покрывающие склоны холма.

Главная улица города проходит вокруг вершины скалистого мыса. Когда лет воздушных трезов, по ней безостановочно движется пе- страя толпа мальтийцев, английских и американских солдат и моряков.

Мальта — остров небольшой. Его протяжен-

ность не превышает 35,5 километра, а в самой широкой части он имеет только 16,2 километра. Поэтому здесь нет длинных дорог. Зато есть хорошая железнодорожная ветка длиной в 16 километров, соединяющая Ла Валлетту с бывшей столицей Мальты — городом Читта-Веккия.

Пассажиры в течение получаса перескажут почти всю Мальту. Маленький поезд тащится меж полей, поднимающихся отлого и вгору. Ни рек, ни деревей, ни зелени. Крутом все закрыто слоем известковой пыли. Лишь кое-

где промелькнет апельсиновая роща, и сплывутся серые поля. Ни озер, ни рек, ни ручья.

Лето на Мальте — самое тяжелое время для людей и животных. Травы на лугах выжжены солнцем. Дожди выпадают редко. Но хлеба, виноград, фига, апельсины — все, что любит тепло и нуждается в солнце, успевают созреть в летние месяцы.

Летом Мальта не блещет красотой, по которой она растет взор яркой зеленью лугов и полей. В марте и апреле здесь цветет клевер и поля превращаются из зеленых в красные. Позднее краски зимы и весны переходят в спокойные коричневые тона, которые с каждым днем блекнут от мелкой известковой пыли.

Круглый год, с раннего утра до позднего вечера, трудятся мальтийские крестьяне на своих крошечных участках земли. Эти малорослые, суровые на вид крестьяне — потомки финикийцев — ведут упорную борьбу с природой, лишившей остров самого дешевого и достаточного количества удобной земли. Мальтийцы, подобно китайцам, самыми примитивными методами извлекают из почвы все, что она может дать. Крестьяне разрыхляют землю на склонах скалистых утесов, просят землю вспахать, собирают с трудных для обработки участков, очищают ее от гравия и затем переносят на свои поля. До войны мальтийцы даже специально ездили за землей в Сицилию, Сардинию и Тунис. В старое время парусники, ходившие в мальтийские бухты порожняком, обязаны были привозить землю, которую они брали для этого вместо балласта.

Чтобы джидж и ветры не свели драгоценной почвы с поля и не переросили ее на участок соседа, крестьяне окружают свои поля на склонах холмов заградительными стенками.

Сельское хозяйство — главное занятие мальтийцев, но экономическое значение его невелико. Даже самый хороший урожай не обеспечивает годовой потребности жителей Мальтийского архипелага. Большая часть продовольствия на Мальту ввозится. Еще во времена рыцарей в скалах были вырублены под земные зернохранилища, в которых на случай осады всегда хранились неприкосновенный запас зерна. Сейчас эти зернохранилища также наполнены дотканью.

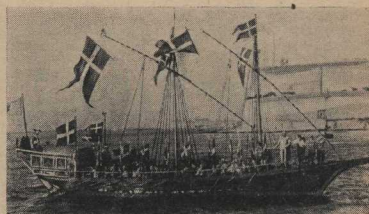
265 тысяч жителей населяют острова Мальтийского архипелага. Но если принять во внимание, что территория Мальты равна 246 квадратным километрам, а площадь всего острова не превышает 316 квадратных километров, то окажется, что Мальтийский архипелаг — один из наиболее густо заселенных пунктов земного шара.

Мальтийский архипелаг лежит как раз по середине Средиземного моря. От Мальты до

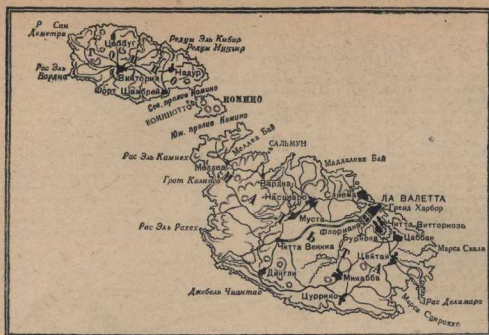
В состав Мальтийского архипелага, кроме Мальты, входят еще два больших острова — Комино и Готто — и несколько маленьких скалистых островов, еле возвышающихся над поверхностью моря.

Эти соломенные шляпы (как называют их англичане) — не что иное, как лопы привозимых зернохранилищ, которые еще во времена рыцарей были вырублены в скалах для хранения зерна на случай осады.

Вот на таких быстрозаполненных сараях отправлялись в море мальтийские рыцари.

Карта Мальтийского архипелага и острова Мальта — часовой Средиземного моря.

Гибралтар 1800 километров. Почти такое же расстояние от Мальты до Суэцкого канала. Северное побережье африканского континента лежит в 324 километрах от острова, а полоса воды шириной в 100—120 километров отделяет Мальту от Сицилии.

Такое исключительно выгодное военно-стратегическое положение сделало Мальту еще в древние времена важным торговым и военным пунктом, за который боролись, сменяя друг друга, финикийцы, греки, карфагеняне, римляне, арабы, норманы, турки, французы и англичане.

Все народы, которые владели Мальтой на Средиземном море, сделали Мальту своей главной цитаделью, торговой и военной базой.

С XI по XVI век Мальта принадлежала Сицилии, а затем, в 1530 году, стала собственностью духовно-рыцарского ордена иезуитов. Это была военно-монашеская католическая организация. Под предлогом борьбы с мусульманами и язычниками иезуиты занимались вооруженным разбоем, захватом территорий малочисленных народов и бесчисленной их эксплоатацией. По имени острова, на котором поселились иезуиты, их назвали мальтийскими рыцарями.

С этого же времени стала расти военная

мощь Мальты. Рыцари — отважные бубаны и опытные лаваты — сразу оценили достоинства острова как сторожевой крепости самой узкой части Средиземного моря. Она построена на неприступной скале новую столицу — Ла Валетту, возвели стены и бастаоны, оборудовали гавань, куда поставили свои галеры, и таким образом превратили Мальту в то основное гнездо, одно имя которого заставляло блебнуть капитанов торговых кораблей.

Слова о победах мальтийских рыцарей, не знавших поражений в морских боях с черверями, громивших их боевые суда и часто «по ошибке» грабивших и топивших торговые корабли христианских стран, гремела во всем мире.

Однако в 1798 году эта слава померкла. Наполеон Бонапарт, направившись со своим флотом в Египет, мимоходом захватил и Мальту. Французы, правда, недолго владели островом.

Английский адмирал Нельсон, оценив исключительно выгодное стратегическое значение Мальты, решил захватить ее. Но это было не так легко сделать. Французский гарнизон заперся в крепости Ла Валетты, и она оказалась неприступной. Ни англичане, блокировавшие крепость с моря, ни народное ополчение, созданное из крестьян-мальтийцев, не

могла ее взять, пока на помощь англичанам не придет голод. В Ла Валетте оказалось «мало продовольствия и вовсе не было дров. Пришлось ломать корабли, чтобы ими топить печи и выпекать хлеб. Шинга уносила все больше жертв. И все же гарнизон не сдавался. Они видели, что все «областели», что Наварро примет подкрепление, продовольствие и вино. Но помощь не приходила: англичане перехватывали все французские суда, шедшие к Мальте.

Осада длилась 26 месяцев. Только в сентябре 1800 года, когда гарнизон убедился, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, из Ла Валетты вышел подкрепления. Крепость сдалась французским флг. Все ее защитники были погружены на английские корабли и доставлены по французский порт Марсель.

Мальта стала английской. Англичане превратили ее в мощную военно-морскую базу и укрепили по всем правилам современной военной техники. Значение крепости особенно возросло после постройки Суэцкого канала, когда Мальта должна была контролировать восточную и западную часть Средиземного моря.

В наши дни немцы и итальянские бомбардировщики делают отважные попытки разбомбить Мальту, превратить в развалины ее бесчисленные форты. По данным иностранных газет, с начала войны на Мальту произведено в общей сложности свыше двух тысяч воздушных налетов.

Почему же несмотря на огромные потери ни днем, ни ночью не прекращаются налеты германских и итальянских самолетов на английскую крепость?

Ответ ясен. Единственный путь, по которому могут поступать подкрепления для фашистской армии, действующей в Египте, проходит вблизи Мальты. Эти коммуникации так близки от острова, что экономитому могут подвергаться удару английской истребительной авиации, не говоря уже о бомбардировщиках и морских силах, базируются на остров.

Мальта — английский часовой и выхода из итальянского моря. И притом часовой достаточно стойкой. Несмотря на учащающиеся налеты Мальта покажется остается серьезнейшей угрозой немецким коммуникациям в Средиземном море.

Центром какой-то назвал Мальту страной «медя и роз». Мальтийцы называют свою родину цветком мира. И то и другое название в наши дни звучит непривычно. Сейчас на острове нет ни роз, ни тем более «цветов мира». Современную Мальту скорее можно назвать «островом стали и железобетона».

Янко и Мирко

(Болгарская народная песня)

Милась всадник спозаранку...
Увидела белынку Янку...
Он скрывался три суток,
И голодный и разутый;
Угнетателя зарезал—
И враги исыла Малько,
Янка, смеясь болгарка,
На юанка поглядела
И ему сказала тихо:
«По твоим речам я слышу:
Ты из Юркия холмистой,
И туда всех мылых братьев
Воевать послала немцы —
Угнетатели-фашисты.
Поклялись родные братья
Вымчать в битве сабеля жало

Кровью рыжего германца.
Показался, что будут сербы
Вечно родич болгарам.
Мирко, всадник незнакомый,
Ты из Сербии холмистой,
За тобой, я слышу, скачут
Окванные фашисты.
Помню я о клятве братской —
Помогу тебе, мой родича
Янка, смелая болгарка,
Открыла дверь амбара
И засыпала Юркия
Золотистою пшеницей.
И потом не знала страха
И в амбар
носила хлеба,
Вина дерянке носила

Для спасенного
юанка.
Из села ушли германцы;
И разгреб рыцари Мирко
Вороха тугой пшеницы
И сказала белыне Янке:
«Будет Сербия свободна,
Я вернусь к тебе, беланка,
Если ты жиюно серба
Согласишься стать болгарка.
Головой кивнула Яна
И колечко подарила,
Подарила провозжа.
И умчался всадник Мирко
Прочь от берега Дуная.

Перевела Ивкожда Белчиоич

Как летит пуля

А. АБРАМОВ, Ю. ДОЛУГИН

...Раздается выстрел.
Из дула винтовки вылетает пуля.

Если бы не было притяжения земли, она, после вылета из дула, пошла бы по прямой до тех пор, пока не израсходовалась бы энергия, сообщенная ей при выстреле.

Но притяжение земли существует, и победить его только невозможно. Это укажет только изобретателям в фантастических романах. А притяжение земли приводит к тому, что, вышедши из дула в голову человека, мы даже на сравнительно небольшой дистанции попадаем бы ему в ногу... Поэтому приходится брать принцип значительно выше цели, тем выше, чем дальше находится цель.

Но как узнать, насколько нужно поднимать конец ствола при стрельбе на различные расстояния? Неужели высчитывать каждый раз? Конечно, нет. Все заранее высчитано, и для удобства пользования винтовкой на ней помещается специальная приспособленная — прицел. На конце прицела имеется еще маленькая мушка, которая также нужна для прицеливания.

Задний конец прицельной планки закрут немного кверху — это грибок. По середине грибка сделана прорезь.

Прямую винтовку к плечу и закрутив левый стволчик смотрит на цель через прорезь грибка так, чтобы одновременно видеть мушку точно посередине прорези и на одном уровне с верхним краем грибка.

На прицельной планке нанесены черточки, около которых стоят цифры — от 1 до 20. Эти цифры указывают расстояние до точки прицеливания в сотнях метров.

Чтобы правильно установить винтовку, нужно передвинуть мушкет на прицельной планке и поставить его у цифры, показывающей, сколько сотен метров до цели. Чем больше передвинется мушкет вперед, тем выше поднимется ствол.

Стена воздуха

Как видите, пуля летит довольно продолжительное время. Поэтому стрелки потрудились она на предельно возможном метре, отделившись нашего стрелка от врага.

Как же так, спросите вы: ведь известно, что пуля вылетает из винтовки со скоростью восемьсот шестидесяти пять метров в секунду — значит, она должна была пролететь восемьсот метров меньше, чем в одну секунду.

Нет, это не так. Восемьсот шестидесяти пять метров — только начальная скорость пули. Но ведь

матер грибка прицельной планки. Значит, при выстреле винтовки на цель мы должны будем поднимать передний конец ствола, иначе в прорезь грибка не будет попадать пуля.

Раз пришел приходится брать значительно выше цели, а на всем пути пуля непрерывно снижается, пока не попадет в цель — значит, летит она не по прямой линии, а по какой-то кривой. Эта кривая называется траекторией.

При стрельбе из сравнительно большой дистанции могут проявиться случаи, совершенно загадочные для человека, не знающего о траектории пуля. Представим себе такой случай.

На поле лежит с винтовкой исключительно меткий стрелок. Напротив него, на расстоянии в восемьсот метров, сидит друг. Лежит враг. Стрелок ставит прицел «8», тщательно прицеливается, скажем слева от бугорка, и выжидает. Бела враг осторожно высушет голову, наш стрелок нажмет на спусковой крючок.

В это время откуда-то сбоку появляется всадник. Он скачет примерно на равном расстоянии от двух противников стрелка. Когда всадник приближается к прямой линии между стрелком, головой лежащего и бугорком неприятельского солдата наконец высматривается. Наш меткий стрелок плавно нажимает спусковой крючок. Раздается выстрел. В этот самый момент всадник оказывается на линии огня, закрывая собой ствол — притянувшегося врага.

Со своей расквашенной пулей, несется пуля. Примерно через полсекунды она достигает всадника. А еще через секунду возникает в воздухе взрыв.

Что же произошло? Неужели пуля пронизала всадника и полетела дальше? От пули: пуля прошла вад вниз. В этом месте высота траектории пули над землей была равна почти три метра!

Как видите, пуля летит довольно продолжительное время. Поэтому стрелки потрудились она на предельно возможном метре, отделившись нашего стрелка от врага.

Нет, это не так. Восемьсот шестидесяти пять метров — только начальная скорость пули. Но ведь

вторые 100 метров пуля пролетает в 0,14 секунды, третьи 100 метров пуля пролетает в 0,15 секунды,

четвертые 100 метров пуля пролетает в 0,17 секунды,

пятые 100 метров пуля пролетает в 0,19 секунды,

шестые 100 метров пуля пролетает в 0,21 секунды,

седьмые 100 метров пуля пролетает в 0,24 секунды,

восьмые 100 метров пуля пролетает в 0,26 секунды,

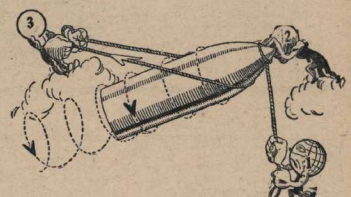
а все 800 метров пуля пролетает в 1,47 секунды.

Понятно, чем больше дистанция стрельбы, тем больше времени

расходуется на полет пули. Два километра, например, пуля летит уже почти семь секунд!

Это важное обстоятельство нужно обязательно учитывать стрелку, особенно при стрельбе по движущимся целям. А то выстрелишь — и, пока пуля долетит, цели уже нет на месте. Пуля, как говорят стрелки, «пошла за молоко».

Интересно, что бесчисленные столкновения с частными воздухом не только замедляют полет пули, но и основательно нагревают ее. Равной пули бода всегда находится около. Это не мудрено: температура в полете до температуры, превышающей сто градусов, а если она очень долго находится в полете, может даже расплавиться свинцовой сердечник.

Три стрелка! Сдерживают летящую пулю: земля притягивает ее к себе, воздух тормозит ее полет, а боковой ветер отклоняет в сторону.

«Маловажные» обстоятельства

Вот как «маловажные» обстоятельства

Нелегко, значит, стрелять из винтовки: учи угол прицеливания, время полета пули до цели, направление и силу ветра, да еще температуру воздуха! Можно еще добавить, что при стрельбе в горах нужно учитывать высоту места над уровнем моря. Ведь чем выше, тем воздух разреженнее, даже его зависимость от температуры.

Вот почему а «Насталели» до стрелковому делу» сказано, что «кальчущих» результаты стрельбы на винтовках получаются на расстояниях до четырехсот метров». На таком расстоянии пули летит еще очень быстро, несомненно больше, чем в полуметрах. Истинная цель, и все обстоятельства стрельбы оказывают на нее сравнительно небольшое влияние.

Тем же, а «Насталели» до стрелковому делу», даются различные таблицы для учета поправки в прицеливании на разных дистанциях и во всевозможных условиях.

Меткая стрельба на большие расстояния — дело сложное, но вполне доступное каждому стрелку, тщательно изучившему свое оружие, умеющему правильно учесть все попутные обстоятельства стрельбы.

Трудно представить себе, насколько высоко приходится брать прицел при стрельбе на большие дистанции. Допустим, мы стреляем на два километра. По дороге должен стоять двенадцатиметровый дом: он не помешает вам попасть в цель — пуля пролетит над крышей.

Вы нажали спусковой крючок

С. ВАЛЬДГАРД

Что, казалось бы, общего между винтовкой и автомобильным мотором? И внешняя вид, и устройство, и название — их разные. Между тем у них есть много общего в самой основе.

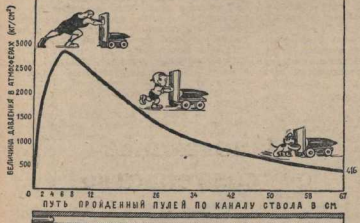
Быстро сгорает топливо в цилиндре двигателя внутреннего сгорания. Благодаря этому в стволе винтовки мгновенно создается заряд пороха. И в том и в другом случае в очень короткий срок образуется огромное количество сильно сжатых и горячих газов. Естественно, они стремятся расширяться, занять больший объем. С гигантской силой давят газы на все окружающее и прошивают какую-то определенную работу.

В двигателе газы давят на поршни и, толкая их, заставляют вращаться вал. В винтовке газы давят на пулю, выталкивая ее со ствола и бросают далеко вперед.

Все это совершается с молниеносной быстротой, в течение сотых и даже тысячных долей секунды.

Что же происходит при выстреле в канал ствола винтовки?

Попробуем в своем воображении замедлить все происходящее. Вот плавно спускается крючок и боек ударяет по капсюлю.

Почти сразу же после выстрела пороховые газы особенно сильно давят на пулю. Но затем сила давления становится меньше и меньше.

Он разбивает его. Тотчас же взрываются остатки капсюля, воспаляется, закипая осевшую массу пороха и весь заряд. В нем загорают отдельные пороховые зерна. Их горение и образует все больше и больше газов.

Порох, как и другие взрывчатые вещества, воспаляется мгновенно. Отдельные же зерна горят горит в течение тех сотых долей секунды, в которые пуля пробегает по каналу ствола.

Обизвестно, что чем более сжаты газы, тем они сильнее стремятся расширяться. Образовавшиеся при горении пороха громадное количество газов занимает очень малое пространство за пулей (запальное пространство), и уже потому газы здесь сильно уплотнены. Кроме того мы знаем, что чем выше температура газов, тем они еще сильнее стремятся расширяться. А температура при горении различных сортов пороха достигает двух тысяч и даже трех тысяч градусов! В результате давления газов в обыкновенной винтовке невозможно велико. Есть момент, когда оно доходит до 2850 атмосфер!

На войне ценятся дальность боя и точность.

Чем дальше летит пуля, тем лучше. Она сможет поразить врага на большем расстоянии.

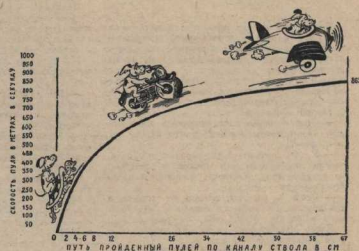
Но, как бы далеко ни летела пуля, она должна сохранить свое подвижное и убийное действие. Иначе она оказалась бы бесполезной. Поэтому надо, чтобы пуля вылетала из дула винтовки с возможно большей начальной скоростью. Как получить большую начальную скорость пули? Отчего это зависит?

Взглянем на винтовку. Патрон спрыснул улетел в канал ствола. Но вот вы нажали на крючок, вспыхнул порох, образовавшиеся газы стали давить на дно пули и заставили ее двигаться.

При выходе из канала винтовки обыкновенная пуля образует 1900 года уже имеет огромную скорость, пролетая восьмьюдесятью пять метров в секунду.

Что же заставило пулю развить такую скорость?

Давление пороховых газов. Значит, чем с большей силой будут давить на пулю пороховые газы, тем большую скорость она разовьет при движении по каналу ствола.

По мере движения по каналу ствола скорость пули становится все больше и больше.

От чего зависит сила давления пороховых газов? От состава и свойств пороха и от веса заряда. Кроме того, чем плотнее заряд, то есть чем больше пороховых зерен уместится в гильзе, тем больше образуется газов и тем сильнее они давят на пулю.

— Позвольте — скажете вы, — если порох так быстро сгорает, то он может весь сгореть, пока пуля пройдет лишь какую-то небольшую часть пути по каналу ствола!

Это верно. Поэтому слитком быстрое сгорание пороха неважно и техника всеначеи стремится к тому, чтобы замедлить его и этим получить равномерное давление газов на всем пути движения пули в стволе. Однако это не совсем удается. В начале движения пули давление газов, заключенных в небольшой объем, быстро возрастает. Но только успеет пуля пробегать несколько сантиметров, как наступают перемены. Давление газов к этому моменту уже достигло своего наивысшего предела — 2850 атмосфер. Но затем объем запального пространства начинает быстро увеличиваться, и образование новых газов снижается. Ясно, что давление газов постепенно уменьшается. К моменту, когда пуля вылетает из ствола, давление газов падает почти до 400 атмосфер.

Конечно, было бы очень хорошо, если бы давление газов все время было одинаковым. Тогда пуля получила бы в несколько раз большую скорость. Но пока это невозможно, и техника стремится хотя бы уменьшить резкие колебания силы давления в стволе.

Подумайте и ответьте

КОГДА ПУЛЯ ИМЕЕТ НАИБОЛЬШУЮ СКОРОСТЬ?

Известно, что скорость пули возрастает до тех пор, пока давление на нее пороховых газов превосходит давление воздуха и т.д. Установлено, что сила, с которой газы давят на снаряд, в первый момент выстрела намного превышает сопротивление воздуха. Когда же пуля приобретает наибольшую скорость: в стволе или вне его — и почему?

КТО ЕХАЛ БЫСТРЕЕ?

Два мотоциклиста-связисты были одновременно отправлены из Н-ского командного пункта в штаб

двинизи со срочными донесениями. Оба мотоциклиста выполнили задание и возвратились в одно и то же время. В пути они отдыхали. Первый ехал вдвое больше времени, чем отдыхал второй, второй же ехал втрое больше времени, чем отдыхал первый. Кто из них ехал быстрее?

ПОРОХ И ДИНАМИТ

Когда необходимо взорвать мосты или здания, всегда прибегают к помощи динамитных зарядов.

Для стрельбы из орудий, винтовок и других видов огнестрельного оружия пользуются порохом. Почему нельзя стрелять динамитом и вести подрывные работы порохом?

НА ФРОНТЕ

Р. ЛАРИНА

Тамара только что пришла с дежурства и притулилась в угу, у маленькой раскваш. В замке сидели бойцы и просили рассказать о городе, откуда недавно прибыла на фронт девушка.

— А зачем ты приехала сюда, ты ведь еще маленькая. Шестнадцать будет? А? — спросила уже немолодой боец.

Тамара обмолвилась.

— Спрятать белые нады, поглядить тоже надо? А привашивать воронички кто будет, как по-вашему?

— У вас же, говорят, сады хорошие в городе, зелени много? — пытался переверсти разговор на другое тему, спросил сидящий поодаль красавиш.

— Реши у нас нет, далеко от города, 3 так хорошо. Не осталось только у меня ничего в городе. Мать одна, все разыхалась. Дверь притворилась, и на заснеженном знакомым мелким почерком. Ответ справился о здоровье дочери и писал в конце!

— Кто здесь Румишча? Получайте письмо. Ответ приготовьте, завтра снова зайду. Самодельный конвертик был исписан знакомым мелким почерком. Ответ справился о здоровье дочери и писал в конце!

«Его мне здесь отослать с уважением и говорить: «Как Ксенофон Степанович сказал, так тому и быть». Артиллеристы, донесла, народа отчаянный и тонкий, и я вот там стал здесь. Сложно даже за молодаго. Не верю, что двое сына и две дочери на фронте. Я им карточку только показывал, поправлялся. Шутка: кончается война, сытятся преддем...»

Тамара рассмеялась.

— Пронять, что ли, — обратился он к сидящим, но кто-то с явной резкостью заметил:

— Что уж там про сердечные деле читать! — Да от отца же, на фронте он. Может, рядом с нами воеет.

— Ну, раз от отца, — поделоби ребята, — давайте почитаем.

И письмо переходило из рук в руки. Все гордились и радвались, что у артиллериста Ксенофонта Степановича все сыновья и дочери на фронте.

Трудные зимние месяцы провела Тамара на войне. В завиднейших лесах Карелии, на берегу озера, расположились наши передовые части. В один из тех дней, когда на этом участке фронта разгорелась жаркая бой, прибыл бандо-разведный отряд. Он состоял из девушек-добровольцев. Много пришлось по-работать. Много пришлось и пережить. В часы, свободные от работы и дежурств, Тамара с друзьями обучалась пулеметному делу. Однажды вечером, когда девушки упражнялись в стрельбе, в воздухе появились немецкие

самолеты и как коршуны, ищущие добычу, стали кружиться над лесом. Тамару ранило осколком бомбы.

На часах же отстрелил домой, в Иваново, в госпиталь.

— Ну а сейчас вы зачем сюда пришли. — Осторожно спрашивал начальник школы. — Отдохните, наберите сил, познайте немного у матери.

— Нет, товарищ начальник. Наложите свою резолюцию на мое заявление. Стану радисткой — и снова на фронт. Куда же еще? Специальность важная и не очень хитрая.

— Ну не скажите, тов. Румишча. Дело-то как раз хитрое. Поработать придется немало. Приходите завтра росом в 5.30. Определите в группу.

— А на фронт когда? Тут же после окончания?

— Волков бьются — в лес не ходить? — Так не боитесь волков? А?

— Убавить их надо, товарищ начальник, всех убавить!

На следующий день Тамара пришла на занятия.

В городе стало известно: если окончатся радишкору, непременно пошлют на фронт. А что может быть желаннее в эти дни?

И в адрес обкома комсомола стали ежедневно поступать письма от молодых людей и девушек. Все просили об одном: помогите изучать нужную военную специальность.

«Не помню», в какой день я услышала по радио, что комсомол зовет девушек освоить военное дело. Я узнала, что в скором времени открывается школа радисток. Помогите мне устроиться на эти курсы. Мне очень хочется стать телеграфисткой. На войне телеграфиста много может сделать», — писала комсомолка А. Чуркина.

Вечером она возвращалась домой вместе с учительницей Галиной Александрович и ее ученики. И каждый раз молодая женщина начинала разговор об экспедициях на Северный полюс, о том, как смелые люди героически побеждали стужу льда и холода. Она рассказывала необыкновенные, порой фантастические истории из жизни радистов. Почему-то особенно увлекала ее морская романтика, служба на дальних водворных ралине. Вспоминала рисовала ей, как она нежданно связью соединит Большую Землю с океанскими судами, подвижными лодками. Это было желаннее любого времени. Сейчас, когда Галину Александрович спрашивают «Ваша профессия?», — она отвечает: «Мирная — учительница, военная — радистка-оператор».

Не было случая, чтобы кто-то, на котором курсавке приводило работать, не подчинялся ей.

Слух и меткость слылись особенно. Дальние колонны цифр, трудный текст — рука радистки не мает усталости. Уверосто, с которым молодая женщина постигает тайны ключа, приводит в восхищение самых высших учебных учителей.

Свободно она приходит в общеобразовательные учебные часы, берет наизусть то, что слыится к ключу. «Тренируйтесь», — отвечает она на вопрошенные взгляды друзей.

Большие выдержки, усидчивость, внимание, требующие от каждого, кто работает на ключе. Отвлекаться, заблудиться на секунду — пропуск, и переданная срочная — значительная ошибка. Это испытание в

мирной обстановке, в школе. Какое это испытание на фронте!?

Сосем недавно инструктор Мария Лобанова показала письма от воспитанников школы, уехавших на фронт.

«Это вам не наша школа, девчонки, когда мы все учили и спокойно работали на ключе, — писал Валю Кудрявцева. — Назавтра наша часть отбилась атакой прокладкой немчуры, и мне было поручено передать письмо. Больше всего боялся, как бы не пропустить буквы, перепутать цифру. Но с заданием справился отлично».

В нашей части Ирина Касина. Вот это девушка!

Дрожат стекла от взрывов, кругом трескотня автоматов, вой ми — а оно спокойно сидит за ключом. И как-то выдала ее в такой напряженный момент и тут же вспомнила наш домик на Сосновской и теб, Мария, как ты всегда встраивала наш слух, ставила руку.

Когда наши бойцы отразили натиск немцев, пришел командир и сказал: «Вн, Ирина, участвовала в бою — спасибо за службу».

Это слышно перенатыли все. Вудунне радистки поняли, что вперед трудные дни войны, что очень важно уже сейчас приучать себя к напряжению, фронтовой работе, сдержанности, своей мысли на ключе. Много старания и упорства прилагают курсанты, чтобы стать отличными радистками, не растерять навыков, полученных в школе.

Татьяна Болотова работает на 200% плана — таков каждадневный ее рабочий итог. Она отвечает к концу смены, но усталость проходит тут же, когда Таня садится к ключу.

— Здесь тоже у меня стужа, — говорит, улыбаясь, девушка. Правда, маленький, но для того, чтобы тебя слушали, надо к нему привыкнуть».

60 знаков в минуту выстукает ее ключ. Для волков совсем не плохо.

— Бушуй, школа, выстукайтесь! — спрашивает девушку инструктор Мария Лобанова.

— Меньше чем на 90 не согласуем, так уж мы договорились с девчонками.

Славной, дружной семьей живут курсанты радишкору. И хотя все они работают на самых различных предприятиях, они помнят, что завтра всем им придется владеть шпилькой, вязать походную сумку и уйти на позицию. Поэтому так радуют их сейчас учеба.

И выпускники были в этой школе. 346 радишкоропаторов фронтовой этого году уехали в армию, во флот. Многие из них приобрели боевой опыт, выросли, закалялись в горниле военных испытаний. Часто вновьоклад девушки встречаются с нами в Свердловском и Ленинградском фронтах. Они овладеют командными пунктами и партизанские отряды, пробираться сквозь нашу леску в штабы частей, сменить и мужественно несут свою бессовую вахту в эфире.

На столе лежит письмо. На конверте указан обратный адрес: «1820 ППСС...»

«Здравствуй, Мария! Ты и инструктора Маруся З., Маруся Л., Клэва С. и начальники школы тов. Морозов. Пишем от имени всех приехавших девушек. Живем мы в лесу, на берегу озера. Место очень красивое, много оного колорита. Ну, ничего, со временем привыкнем, как уже привыкли к фронтовой жизни. Если бы я теперь на нас посмотрела, то могла бы сказать, что увидела знакомых нас из военной формы. Девацта здесь есть из других городов, но все-таки являючись так и выделяются, конечно, с хорошей стороны...»

Вглядываясь за все, не беспокоиться за нас. Ивановых такими никогда не полагали. Ждем с нетерпением ответа, а пока ждем всем ружь. Ваши Рубцова, Федосеева...»

В школе это письмо читали вслух и сердце каждого радовалось за своих друзей.

Лучшая радистка II-ского подразделения И. Савинова-переводит важное донесение.

Часы лежат наблюдателям в камышовых зарослях. Они ведут тщательную разведку переправ через реку К.

ГЛЯДИ В ОБА!

Клиппинг А. ХАРИТОНОВ

«Не зная броду, не пускай в воду»

«Разведка погоня за охоту, как там, так и здесь есть охотник и дичь. Будь хорошим охотником и не уподобляйся дичи. Смотри в оба! Действуй так, чтобы все видеть, а самому быть невидимым» — вот как говорится о разведке в книге «Уководство для бойца вето-тис».

Для того чтобы бить врага наверняка, надо звать, камыш сгибает он расползается, как он воруется, где именно расположены его огневые точки, что он намерен предпринять и в каком настроении его солдат.

Если любая важная часть будет знать, что делается в стане врага, она сможет совершенно подготовиться и нанести противнику неожиданный удар. А неожиданность на войне — половина победы. Еще генерал-полковник Суворов говорил: «Делай на войне то, что противник почитать за невозможное. Удаться — победить... Кто валушка, тот неполюшко побит. Выстрела и внезапность заменит число, а выстрел, а удары решают битвы». Воюют не числом, а умением».

На войне нельзя действовать вслепую, никак уподобиться человеку, который идет в воду, не зная броду. Так и вступать в уюмство. Начиная наступление на врага на правом фланге, а там как раз у него наибольшее количество оставал точек, самое сильное укрепление — и можешь потерять неудачу. Или подготовишь оборону в центре, сташешь сюда все силы, а противник ударит во фланг.

Во почему разведку надо вести всегда — днем и ночью, в любой обстановке — на отдыхе и на марше, в наступлении и в обороне.

Разведка бывает двух видов: наблюдением и боем.

Поговори сначала о том, что такое разведка наблюдением.

Откуда виднее

Разведку наблюдением организует каждый взвод, каждая рота. Для этого командиры этих подразделений выделяют несколько наи-

более смелых, находчивых и мужественных бойцов и младших командиров. Каждая такая пара бойцов и составляет наблюдательный пост.

Вот бойцы направляются в разведку. Им надо выбрать удобное место для наблюдения. Перед ними холм, опушка леса, колокольня сельской церкви. Где лучше всего обосноваться? Это серьезный вопрос. Ведь враг тоже высил разведку. Он отлично знает, что с колокольни или зернушки холма местность просматривается лучше, и следит за этими местами, высматривает разведчиков. Правда, он также следит и за опушкой леса. Но так деревьев много, и догадаться, за каким из них следит наблюдатель, трудно. Значит, надо взобраться на дерево или спрятаться в кусты на склоне холма.

Лучше всего обосноваться на ветвистом дереве, на самой опушке леса, чтобы не вылезаться на фоне леса. Если нет поблизости такого дерева, можно его «сделать». Это и трудно, надо срубить ветки с других деревьев и подвешать их к стволу, где будет находиться наблюдательный пост.

Существует мнение, что устраивать наблюдательный пункт на дереве, колокольне, силосной башне, чердаке здания и т. д. рискованно — там мож, наблюдателя подвергнется большой опасности: неприятель их высудит и уничтожит огнем. Опыт войны говорит, что это не так.

Для того чтобы уничтожить наблюдателя, необходимо прежде всего их обнаружить, а затем возможно ближе поднести к ним огневые средства. Это не так легко сделать. Если наблюдатель хорошо замаскировался, их трудно обнаружить. Но предположим, что противник заметил разведчиков. Пока враг начнет поднимать свои огневые средства ближнего боя, наблюдатели сразу же заметят это и предупредят свои части. Вражеские автоматы, пулеметы или минометы будут уничтожены раньше, чем они сумеют поранить наблюдателя. Правда, противник может открыть по колокольне или силосной башне артиллерийской осью с дальних дистанций. Но вряд ли он добьется успеха. Он только выведет расположение своих орудий. Когда немцы были выбиты из Волоколамска, они завяли оборону вблизи города, по реке Ламе.

Разведчики Первой московской гвардейской дивизии разместились на городских колокольнях. Они плохо замаскировались в первую же вылазку себя. Противник открыл по ним осью из отдельных орудий и минометов. Десять дней палила немецкая артиллерия и в разгу не попала ни в одна из наблюдательных пунктов.

Наблюдать можно отовсюду, где разведчику удобней, откуда лучше просматривается местность. Необходимо только хорошо маскироваться. Здесь на помощь разведчику может прийти солнце. Выгоднее так расположиться, чтобы лучи солнца были направлены в сторону врага. Так труднее обнаружить наблюдателя. Если разведчик наблюдает из-за камня, дерева, пня, надо смотреть сбоку и слева. Надо стараться всегда быть в тени. Она делает разведчика более незаметным и устранил его собственную тень.

Знайте: лучшая маскировка — естественная!

Учись смотреть

Многим покажется странным этот заголовок. Какимось, что такое трудное: вмереть на высокую осью и осматривать местность. Но разведчик-наблюдатель пришел на пост не для того, чтобы любоваться пейзажем, а подкарауливать противника, выведать его силу и намерения. Поэтому и смотреть он должен по-особому, зорко. Как только он пришел на место; он прежде всего должен осмотреть кругом: нет ли чего подозрительного, не засела ли поблизости вражеская разведка? Тут же он намечает себе главный путь отступления и череный ход. Это на случай, если противник отретрет главнейший путь.

Затем наблюдатель осматривает всю местность. Причем делает он это так, точно местность разделена на три разных участка. Сначала он просматривает справа налево местность от себя до 400 метров адаль, затем средней участок — от 400 до 600—700 метров, и, наконец, горизонт.

Почти вплотную придвинулся к немецкой окопной наблюдательный пункт. Разведчик А. Писарев корректирует осью артиллерийской батареи. Писарев следит за камышом сараями. Пожился ли он точно в цель? Если нужна поправка, если повлился коварный цель, Писарев командует телефонисту: «Правей пята». Телефонист сержант А. Кеда передает сообщение на осевую позицию. Орудие сразу же меняет прицел.

Что значит просматривает?

Это значит, что разведчик пристально разглядывает все, что открывается его глазам, он старается хорошо заметить все особенности местности, все то, что на военном языке принято называть «местными предметами».

Одно дело — видеть, другое — различать. Разведчик различает мельчайшие детали, звуки, оттенки. Услышав шум мотора, он должен точно определить место, откуда он исходит. Наши уши улавливают звуковую волну не одновременно, одно на несколько секунд позже другого, и потому кажется, что звук раздается в разных местах. Разведчик прислушавшись, поворачивает голову в сторону и находит направление, в котором шум мотора слышен громче. Это будет тогда, когда он сможет различить направление звука.

Важней подзорный прибор особенно привлекает внимание наблюдателей. Вот что бlesует за пригорком. Разведчик часами будет рассматривать это место. Оказывается и был в разведке на одном из участков Северозападного фронта. Большие три часа я провел на наблюдательном пункте и ничего не обнаружил. Внесем ли старой ракеты над небольшой речкой как будто что-то бlesнуло. Я, что называется, шпалелся по месту. Прошло четыре часа. Наконец и заметил прообразившегося в развите солдата. Ясно, в этом месте находились вражеский наблюдательный пост. Я сообщила командиру. По дороге открыли артиллерийский огонь. Через два дня мы заняли это место. Под расщепленным деревом лежала группа трех вражеских солдат.

Наблюдатель должен точно доносить командиру обо всем им замеченном. Как это сделать, чтобы командир или наблюдательный пост вас сменил на посту, знал, в каком именно месте вы замечали что-то подозрительное.

Для того чтобы точно указать цель, разведчик выбирает какой-либо заметный ориентир — местный предмет — рядом с местом или предметом, обратившись его внимание. Затем он вытягивает руку вперед — на 50 сантиметров от глаза — и поднимает ладонь вверх. Он держит левый край ладони на одной линии с ориентиром и, закрыв правый глаз, смотрит, сколько пальцев закрывает расстояние ориентира до цели. Допустим, три пальца. Тогда разведчик докладывает командиру сначала ориентир, около которого находится цель, потом, на каком расстоянии цель от ориентира и в какую сторону, а затем уже называет цель и в каком там замечен.

Разведчик должен иметь хороший глазомер. Точно определять расстояние на глаз может научиться каждый. Для этого надо только постоянно упражняться. Специальных указаний по этому поводу не существует. Все люди имеют различное зрение. Но все же есть некоторые правила, которые следует запомнить.

В ясный день, после дождя, когда воздух особенно прозрачный, все предметы кажутся ближе, чем они находятся на самом деле. В сумерки или пасмурную погоду предметы кажутся дальше.

Если предмет виден не целиком, а только часть его видна, он кажется дальше.

Предметы кажутся ближе, если солнце светит в глаза разведчику.

Крупные предметы кажутся ближе, чем мелкие предметы.

Предметы кажутся дальше, если они расположены на холмистой местности или если между наблюдателем и предметом находится долина. Значительно ближе кажутся предметы на ровной, односторонней поверхности.

Острота зрения у разных людей различна, и каждый разведчик имеет, если так можно сказать, свою таблицу видимости. Есть и примерная карточка для людей со средним зрением. Что они могут различить в ясный день.

Ветерину мелшину на 11 километрах. Деревня и белые дома на 8 километрах.

Домик и перелески на 5 километров.

Она в домах на 4 километра.

Трубы на крышах на 3 километра.

Отдельные деревья и людей на 2 километра.

Километровые столбы на 2 километра.

Столбы деревьев в лесу, движение ног пешехотцев на 850 метров.

Перелеты в рамках окон, фигуру человека на 500 метров.

Движение рук человека на 400 метров.

Цвет и части одежды на 250 метров.

Лица человека на 200 метров.

Пугавым или металлические знаки на 150 метров.

Выражение лица на 100 метров.

Глаза на 60 метров.

В эту карточку каждый разведчик может внести поправки для своего зрения.

Для развития острого зрения полезно упражняться с биноклем.

Знать — это наполовину победить!

Сведения всех наблюдательных постов концентрируются у старшего начальника. Он их сопоставляет и делает вывод, какие противники, кто из намерен предпринять, каких сил и средств им хватит для этого использовать. Особенно все это важно знать частям, находящимся в обороне.

Это было в прошлом году. Первая московская гвардейская дивизия обороняла город Наро-Фоминск и прилагавшие к нему населенные пункты. Во всех направлениях были созданы наблюдательные посты. Они наблюдали за противником круглые сутки.

Сначала они заметили, что напротив деревни Таширова в Красной Турецкой появились небольшие группы немцев. Чолоком, ставшая быть неизменными, гитаристом пробирался к таширскому мосту, а затем на восточную окраину Красной Турецкой. Они долго осматривали местность в бинокль, потом что-то занесли на карту.

Взобравшись на сосну, стальной разведчик-наблюдатель комсомолец П. Шевцов высматривает вражеские укрепления, засекает расположение основных точек. Недалеко по его расположению наши артиллеристы несколькими залпами уничтожили пять вражеских минометных и артиллерийских батарей.

В маскировочном халате, зарывшись в сучьях листвы, на опушке леса лежит наблюдатель. Часами просматривает он дорожки, овраги, перележки, чтобы точно доложить командующему о характере местности, по которой ночью пойдет наша бойца в атаку.

Получив эти сведения, штаб дивизии решил, что немцы изучают направление предстоящей атаки.

Через два дня наблюдательный пост, который находился в школе против Таширова, заметил нескольких немецких солдат, пробравшихся к таширскому мосту. Они измерили шаг, ширину перекрестки проезжей части моста, поднялись и спустились дороги, которая ведет к мосту. В бинокль наблюдатель определил форму одежды, что это были немецкие танкисты.

Еще через несколько суток, а именно ночью, наблюдатели услышали шум моторов. Другие наблюдательные посты в это же время заметили в районе Таширова артиллерийские разведчики, а в районе Красной Турецкой — немецких саперов и пешехотцев.

Становилось очевидным, что фашисты готовятся наступлению в районе Таширова и Красной Турецкой.

Еще через несколько дней наблюдатели наслушались установили, что немецкие саперы уезжают рубить лес. Очевидно, он им был нужен для переправ.

Командир гвардейской дивизии Герой Советского Союза генерал-майор А. Лихачев на основе всех этих данных сделал вывод: немцы готовят удар через Таширское и Кубинское шоссе на военный городок. Срочно было дано распоряжение подготовиться к встрече врага.

Немцы действительно начали наступление именно там, где их ожидали и где был подготовлен сильный отпор. В 282-я немецкая пехотная дивизия, значительная часть 3-й мотодивизии и танковый полк немцев были разгромлены.

Беспрерывная разведка наблюдением предупреждает действия противника и помогает нашим частям внезапно напасть на врага, нанести ему удары по наиболее уязвимым местам. Вскрытая намерения неприятеля, разведка наблюдением помогает немедленно предупредить маневры врага и нанести ему удары там, где он меньше всего их ожидает.

Но одна только разведка наблюдением недостаточна. Необходимо еще провалить настоячивость в добывании воздушных сведений. Наиболее полное представление о противнике дает разведка бьем. Но о ней мы расскажем в следующем номере журнала.

И. АМУРСКИЙ

Кому приходилось наблюдать взрыв мины взрададена и видеть, как от ее срывающейся селы алетают в воздух десятки тонн воды, в колоссальные океанские транспорты разлетаются и шлеки и агонично аскают в поодности моря, то смокет предстать себе весь ужас, охватывающий комсомольца Карюва, когда он увидел на палубе корабля загоревшуюся мину.

Краснофлот не испугался не за свою жизнь. Нет! От взрыва этой мины мог погибнуть корабль вместе со всем экипажем. Пробитая в нескольких местах окладами вражеского снаряда, только что разорвавшегося у борта эсминца «С», она не алетела в воздух вместе с кораблем дашь только потому, что чудом уцелел запальный стакан, который теперь с секунды на секунду должен был неминуемо азать взрыв.

...Рассеял вода, эсминец шел самым полным ходом, быстро сблизился с неожиданно обнаруженным противником и на ходу адал артиллерийский огонь.

Поддерживаемый пулями справа другой эсминца, он метью пошел в корабль противника даша на заловок. Из трех обнаруженных на горизонте фашистских кораблей один уже через три минуты был пущен на дно. Теперь образовалась только эсминца типа «Гурар» и закутавшаяся в дымящую завесу испостельный крейсер, отступавшие под прикрытием береговой батареи.

Тяжело пытался враг увальнуть. Называемый ему бой, «Аврора» продолжал идти на сближение, не обращая внимания на огонь неприятельских береговых орудий, залпы кораблей и то, что происходило на палубе своего эсминца...

Увергаясь от фашистских снарядов, «С» рбид война полным ходом, резко кренится с борта на борт и беспрерывно менил дода. Приготовленные для остановки (потому и освоенные боевые кренения) мины пососкакивала

с рельсов и, как черные огромные глыбы, каталась с грохотом по палубе, бросаясь то к машинным люкам, то под мины аппараты, то и дерам.

Занятые у орудий люди аели по врагу интенсивный огонь, в опасной борьбе с разгулявшимся смертоносными шарами могла заниматься лишь небольшая группа смельчаков, быстро образовавшаяся из нескольких коков и сигнальщиков, возглавленных поинтером Галкиным.

Средя них был и Карюв. Заметив горящую мину, он смело бросился к ней... Это было распослано прикмы к выстрелу смерти. Схватив руками горящую мину, Карюв громко крикнул комсомольцу Александрову: — Витя, помози!

На что наделся дерзкий балтеец? Перед ним была масса взрывчатого вещества и металла весом в полтонны. Едкий дым горящего тротила останавливал дыхание, руки обжигало, как раскаленная плывот. Казалось, можно было скорей задохнуться и дрерзаться в уголь, прежде чем поинтер и столкнется с борз тую глаубу...

Ни один из известных в морской истории неавадк позидован с мины еще ни разу не увеичивалась победой человека. Наиболее совершенный из этой области был подвиг, совершенный группой курсантов Краснознаменного высшего военно-морского ордена Ленина училища имени Фрунзе.

Это случилось еще в 1923 году, летом, алави Кронштада.

С крейсера «Аврора», стоявшего на внешнем рейде, был замечен дым на борту «Павла», служившего складом старых мин заграждения. Шесть морков-курсантов, бывших участника гражданской войны (Казюков, сподвижник матроса Железняка, Соколовский и др.), прождавших на крейсере летнюю практику, но галве со своим командиром Гедде вызвавшись добровольно отправиться к месту происшествия.

Это было их последнее плавание. ...На форту горела мина. Приблжжались взрыз ее гроиз разрушением асему орудий, акадре и, мюкет бить, Кронштаду. Отважные балтйцы вомертвляли своим жизнями, чтобы предупредить грандиозную катастрофу. Они на руках донесли горящую мину до воды и аворались вместе с ней, ослабив своими телами силу сокрушающего удара...

Теперь да комсомольца поинтерасе повторит бесмертный подвиг шести героев моряков.

Смелычаи старались поинтер горящую тридцатипуговую мину. Она не отрывалась от палубы. На помощь Карюву и Александрову подбежал комсомолец Иван Уложенко. Только что разорвавшийся ббли корабля пошел вражеский снарядом выако из строя всю команду эсминца, на которой он был перам наводчиком. Орудие замолкло. Оставившись в живых ранены в ногу Уложенко истрелал кровью. Уайека товарищей в загрудительном положении он немедленно бросился к ним на помощь.

— Куда лезешь? Спеси в лазарет!— крикнул Александров.

Приняв к вину горящей мины, Уложенко хрило ответил: — Сейчас побегу! А— ну, алали!

Согрвываясь от астрелов своих орудий, эсминца в этот момент сделал новый манер, перовалился влево на правый борт и так пронесся несколько секунд, разгоняя вокруг себя высокие волны. Это был какой-то маневр, совпавший с дружным напряжением трех комсомольцев.

— Взали!— еще раз крикнул Уложенко.

Огромный черный шар наконец оторвался от палубы, азался на кич, приподнялся над деем— и тяжело проиндел за бортом в залезтуную высую воду...

Промелькнул даш— три секунды, и где-то, уже за корой, в густой дымящей завесе, азался огулающий аэри; вагоноку выинуло дашлет только вихрь брызг.

«Библиотечка бойца Всевобуча»

С. ФИН

Не так давно издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выпустило семь книжек для бойцов Всевобуча. По существу, все они посвящены одной теме— умению воевать, приемам разного адела, которые придают звордство руке, зоркости глазу, меткости каждой выпущенной в стан врага пуле. По страницам этих книжек проходит бытальный воин, человек, закаленный свою аолом в боях и походах, знаток своего орудия, профессии. Живое и перипетудно рассказывает он о различных случаях из своей богатой фронтовой жизни— и каждый аязод убеждает читателя в том, как многогранна фронтовая действительность и как важно уже сейчас, в процессе учебы, тренировать смеку, наблюдательность, хладнокровие, умение айти аход из любого, даже очень трудного положения.

В книжке М. Заславского «Рассказы автоматчика» приводятся такой случай. Вывод автоматчиков, среди которых был и сам рассказчик— Андрей Бочаров,— получил задание подобраться с тыла к аслу, зантому немца-

ми, и переазать дорогу, по которой к врагу должна подойти мотоконка. Автоматчики шли лесом, который сильно протривлялся минометами. Минова опасную зону, бойцы достигли дороги, пересекшей ее: а здесь бушевал артиллерийский огонь— пройти невозможно.

«Положил сержант в канаву все отделение. Я прымнулся рядом с Романовым и поастиривал на него, что он правду ает? Как дерзко пересекать? Смотрю: он алаз грядку, губами шевелит.

— Ты что?— спрашиваю. — Не мешай: считаю.

Оказывается, он приметил, что снаряды ругают с правильными промежутками: примерно через каждые полторы— две минуты. За это время надо было переазать дорогу и углубиться в лес на столько, чтобы нас не достали снарядными осколками. Они разлетались на сто метров от места разрыва. Стало бы,

за полторы— две минуты надо было преодолеть расстояние в аестве метров. Все это я принудил быстро в уме опытный и хладнокровный Романов.

— Вниматель!— сказал он.— Приготовиться. Слушать мою команду. Как только я крикну: «Вперед!»,— бегите что есть духу во ту тулу, через дорогу.

Так мы и сделали.

В затруднительное положение попал и разведчик сержант Колдов— герой книжки Виз. Афанасьева «Река не прогдала». Однажды он с молодым, недавно прибывшим на фронт бойцом Сергеевым очутился на берегу широкой реки. Как переправиться? Хорошо бы найти подходящие дерюжки да связать их нах поплавы, но, как на грех, на берегу, кроме мокрых дубовых полевьев, ничего не оказалось. Сергеев хотел было их пустить в адело, но Колдов резко заметил:

Цена 2 руб.

— Э-э, брат, да она куда-то не годится! — Почему? — удивился Сергей.

— А потому что она дубовая и еще сырые к тому же. Скорее бы ее высушить, а в дальнейшем деле — такой же бесполезный предмет, как кусок резины...

Как оказалось, дальше, Колосов переселился из лесного убежища в подползковца. На первое место он ставил толщину. «Его из воды так и вымывает», — объяснял сержант. — Нельзя еще держаться на воде ель, лиственница, сосна. Можно, конечно, встать на ил или опуху. Но все же толщину лучше. У него подальше сила в шесть раз больше, чем у сухого дуба.

Бойцу Сергеину сержант приказал на вещах мешках продолжать, а сам решил по двум рекам идти...

«Вспомни я, как в старину зарываючи от врагов своих хаты прятались. Возмут в рот прогнившую дубину камышнику, умигуюй слою берега на две руки, камышники вверх выставят и так дышат. Выкажут, пока врага не уберется. Или же внезапно повалится из воды и заплывет на них.

Вот и я придумал кое-что похожее. Но справа помоге Сергеину помочь, как требуется, да в наших вещах мешка, а потом говорю ему:

— Отобери мне две трубки от твоего противника.

Отдал он мне от трубки и от корробки. А я взял свою противоза, отдал от него корробку, опилал ее обратно в сумку. Затем сержантскую трубку привинтил к своей. Стала она длиннее, но дышать через нее было вполне не легко. К концу трубы я придал телесу из перерыва. Получалась у меня зарывающаяся камышника, только на сохрененный лад — на резине и со шлангом насосом.

Набал в свои карманы камнями, чтобы они меня кинули танули. Ведь волочаза тоже к пологим сапке груны прикрывают, иначе вода выпарит бугель и по дуду никак не пройдет. Потом начал я противоза. Пестелку, что на конце трубы сасала, вынул на штык. Поднял винтовку вверх и пошел в воду.

Обдал меня холмом. Все вышло внаш. Ведь уже по воде, по груде. Пленя акрыла. На запыле воду курствую. Голва погрузилась начала...

Два пистолета, зенитку. Иду осторожно: как бы в воду какую не попасть или на корону не зацепить. Схватился — хуя бугель. Иду итнго: воздузопором лодка действует отлично. Только меня самого покачивает на стороне и сторону и точно какая сила кресту тинет. Холма, что в камы, а карманы забить догадился, а то пришлось бы мне в воде курваться...

Интересный пример наблюдательности бойца — приводится в повести подполковника Н. Виханова «Два снайпера». Оба героя сидят на прибреж и просматривают огневые позиции врага. Вардг Савушкин заметил, что недалеко от кустарника находится что-то темное. Почему это? — «думалось», — сказал Кляк. — Следы выгнательно за кустарником, лесные. Видный, именно пробираться туда.

Клян стал пристально всматриваться. Немного спустя сказал:

— Кустарник этот ложный, и ничего к нему не пологит. Просто немцы натаскали веток и что-то роют за ним. А черт-то сло и там, а карман от немца, который дается у самого кустарника.

Действительно, все так и было, как увидит своим замечательным глазом Кляк, — недаром он в родных местах считался лучшим тактическим охотником. Но почему, по каким признакам удерживать глаз бойца сосредоточен на кустарнике ложный? Прежде всего он считал цвет этого кустарника и того, что в лощине. «Б лощине кустарник темнее, а этот выгледит светлее, и

листочки его блеску не дает», — объяснял Кляк своему напарнику. — Потому что немцы поставили его незумо: Листочки этого спорного кустарника — пестелку, где он неслышатель и близкий. Вот и выгледит кустарник совсем по-иному...

В «Библиотечке бойца Всеволода» приводятся немало таких изумительных примеров. Автор ставит своих героев в острые положения, заставляя преодолевать различные преграды и сообщают повсюду много интересных сведений из походного опыта. Например, как с помощью несложных средств (вешнего мешка, сена, запитого в плашпалату, деревянных жердей, досок и т. д.) охотный боец переплывает водные реки: глуповые и широкие, тихие и бурные.

Книжка Всеволода заставляет читателя проникнуться большим уважением к профессии автоматчика. Мы видим, как действуют автоматчики «эротическая» лес, порежывая коммуникации противника, в засаде и т. д.

По другому прищипу составлена книжка подполковника Н. Виханова «Два снайпера». Автор ставит главным образом об окружающем, том, как совершенствование молодой бойца безупречное знание техники, которое и способствовало достижению победы. В центре книжки — приемы, навыки меткой стрельбы, секреты снайперской винтовки, практические советы по уходу за ней — текст написан ясно, популярно, легко запоминается.

Бесспорно, учебник «Библиотечки» является книжкой Ю. Долгунина «С противником оружием». Она дает ясное, цельное представление о специальности бронешошника; сведения, касающиеся ружья, техники стрельбы, органически вделаны в ткань анимационного рассказа.

Страстный любитель техники, изобретатель и фантазер сержант Георгий Сервков считался лучшим стрелком в записном полку. Ничего удивительного не было в том, что именно ему вручили в самый короткий срок изучить до тонкости противотанковое ружье. И вот читатель следит с интересом за тем, как пыланный сержант осмысливает задачу, делая новую ружью, напоминающую старинную русскую пищаль. «Несколько смущала Сервкова нес ружья — около двадцати килограмм. Он считал, что от излишней длины ствола, который достал почти двух метров. Зачем такой ствол? Почему бы не сократить его половину? Это значительно облегчало бы вес. Как ни команд Сервков, он не мог монить, что заставляло конструктора так удлинить ствол.

Со своими сомнениями Сервков обратился к военному Дорозину.

«Длина ствола, товарищ сержант, — это не ирригун — строго сказал тот. — Ружье это сконструировано — знаменитым нашим изобретателем, автором многих грозных видов оружия Крислом Дорозин. Вы думаете, он на основе сасала такой длинный ствол? Укоротить ствол в ПТР — значит погубить все ружье. Тогда уменьшится и начальная скорость полета пу-

ли и прицельные качества», — словом, вся затея пойдет насмарку.

— Но почему же все это уменьшится? — спросил Сервков.

— А потому что, как ни быстро створает порох в заряде патрона, все же сгорает он не мгновенно, ему на это нужно некоторое время. Патрон ПТР — оружие обычного, и порохового заряда и при бою. И если заряд ствол недостаточен длинным, то при выстреле пуля выскочит из него раньше, чем воспламенится весь заряд. Тогда только часть силы заряда пойдет вперед и пуля и она уже не будет иметь нужной скорости и не полетит так далеко и с такой силой, какая нужна для борьбы с танками. Нет, тут все точно наоборот: чем больше заряд в патроне у дальнобойных пушек всегда длинные стволы! Вы знаете, какой длины был ствол у пушки, на которой немцы в прошлом мировую войну обстреливали город в пяти и она в сто двадцать километров? Тридцать четыре метра! А почему? Потому что в заряде было около двухсот килограммов порога. Понинто? Сервков кивнул головой.

Книжка Ю. Долгунина в живой, образной форме дает ответы на все вопросы любознательного сержанта («Воздухо — читатель»). Одна из глав посвящена рассказу об изобретении охотника Ковалева то «убийцы» учебных стрельбах, то на огневой позиции, то в лощине за танками врага. Что бы ни делал противотанковый снайпер, он всегда имеет в своем распоряжении запасные снайперские машины в засадах, только настала их своими бронешошными пулем на марше, или добывал фашистские самолеты. — Он делал это мастерски, точно, по плану. Он знал, на каких элементах складывалась, обогналось мастерство бронешошника, — и составлял основную ценность книги Долгунина. Цельностью и единством построения и формы не получалось, к сожалению, в книге А. Федорова «Истребители лозот», хотя, естественно, следовало связать, что примеры смелых и дерзких действий бронешошников сюжетным узлом в увлекательный рассказ Автор не сумел найти нужного тона, а его книга есть вялая, схематичные места, боевые эпизоды описаны бледно; скучен, однообразен язык.

Есть еще две книжки в «Библиотечке», недостатки которых следует отметить. Книжка Ю. Неймана «Боевая дружба» (о взаимной помощи и сотрудничестве бойцов из различных дивизионов, впадионов, они мелькают как в калейдоскопе, очень важной и нужной теме посвящена книга С. Лобозова «На пути назад», рассказ о стойкости русских солдат в продлом, о замечательных образцах железной воли, храбрости, выдержки, которые проявляют наши воины сейчас, в борьбе с немскими захватчиками. В этой книжке, которая должна адресоваться сердцу молодого человека, хотелось бы видеть более сильные краски в описании героических эпизодов, ощутить больше эмоциональности, стимулировать в рассказах о замечательных людях, стоящих несокрушимой стеной на пути врага.

Трудно переоценить значение «Библиотечки» для молодежи в пропаганде военных знаний среди нашей молодежи. За вышесказанной первой серии книжек должна последовать вторая, третья, четвертая. В ней должны быть обобщенный фронтный опыт, расширяющей тайны военного мастерства, подмалывания в легкой, образной форме науки и мощь современности военной техники. К созданию таких книг неважно бы привлечь и тех наших писателей, которые в годы предшествующей войны создавали интереснейшие работы о переделке природы, о борьбе человека со стихией, о новом советском человеке. Не в дурном смысле писатели должны на себя заботу о создании такой военно-познавательной юношеской книги, боевого стимула и друга молодежи!

Зам. отв. редактора — Ю. А. ШИМАН.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Ответственный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица Пестряковская, 24.

Тел. Д-3-34-24.

А61644. Подписано к печати 18/IX—42 г. Изд. № 717. Формат 72×110 см. 4 п. л. Зап. п. д. 98 000. Зак. 2248. Тираж 60 000 экз.

Изготовление газеты «Ирландия» имени Сталина. Москва, ул. «Ирландия», 24.